

АСЯ ПЕТРОВА
СЕЛИН СААДИ

БЫВШИЙ МУЖ Я ХОЧУ НАС ВЕРНУТЬ

Селин Саади

БЫВШИЙ муж. Я хочу нас вернуть

«Литнет»

2025

Саади С.

БЫВШИЙ муж. Я хочу нас вернуть / С. Саади — «Литнет», 2025

Пять лет назад я пережила предательство мужа и старшей дочери, которая выбрала любовь отца и его новой пассии. Мы с младшей уехали жить в другой город, я начала строить свою жизнь с чистого листа. Но ведь у судьбы всегда свои коррективы, теперь нам с мужем придется встретиться вновь... Ради спасения нашего ребенка, обнажив все свои давние обиды и боль.— Это ты не усмотрела, Юль. Как ты могла не заметить, что наш ребенок болеет?— Вновь винишь во всем меня, Озеров? Как и пять лет назад?— А ты за эти пять лет так ничего и не поняла...**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:** неидеальные герои, эмоции на грани, обязательный ХЭГероев ругать можно, авторов нет)**НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ♥# НАМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ПРИЯТНА ВАША ПОДДЕРЖКА! ПЕРВАЯ ЧАСТЬ РОМАНА**

© Саади С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Юля	5
Глава 2. Юля	7
Визуалы	9
Глава 3. Юля	10
Глава 4. Саша	12
Глава 5. Юля	14
Глава 6. Юля	16
Глава 7. Юля	18
Глава 8. Саша	20
Глава 9. Юля	22
Глава 10. Юля	24
Глава 11. Юля	26
Глава 12. Саша	28
Глава 13. Юля	30
Глава 14. Юля	32
Глава 15. Юля	34
Глава 16. Юля	36
Глава 17. Саша	38
Глава 18. Юля	40
Глава 19. Юля	42
Глава 20. Юля	44
Глава 21. Юля	46
Глава 22. Саша	48
Глава 23. Юля	50
Глава 24. Юля	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1. Юля

— Дашуля, дочка, я здесь! — машу рукой ей, хоть она и не замечает.

Идет медленно, чуть ли не спотыкаясь об свои же ноги, тащит одной рукой за собой увесистый чемодан, а второй рукой трет глаза, параллельно зевая.

Я протискиваюсь сквозь толпу людей, перехватываю дочь за кисть руки и аккуратно оттягиваю ее в сторону.

— Ой, мам, — она наконец-то меня замечает, — Я не выпалась.

Разумеется. Сейчас шесть утра, лететь от силы час-полтора, в аэропорт она приехала ночью. Конечно, ребенок не спал.

— Хочешь кофе тебе возьмем, чтобы немного взбодриться? Вас кормили в самолете?

— Давали какой-то невкусный сэндвич, — пожимает плечами, — Купишь мне, пожалуйста, ста, ролл с ветчиной и сыром и макиато с карамелью?

Я улыбаюсь, забирая из ее рук чемодан. Веду нас к кофейне на первом этаже в Пулково.

Дочь бухается на стул, подперев ладонью свой подбородок. Глаза то и дело закрываются, а мне уже начинают названивать с работы, хоть я и игнорирую звонки.

Сама приучила. Как ударились в карьеру, так дала всем волю, что меня можно дергать хоть ночью по срочным вопросам. Срочность вопросов у всех разная, поэтому звонить в такую рань — у них стало нормой. Хотя я почти уверена, что они могут справиться с девяносто процентов вопросов без меня так точно.

Заказываю дочери то, что она попросила. Себе беру американо. Завтракать не хочется пока.

Пулково с каждой минутой все больше заполняется людьми, становится шумно и немного раздражающе громко.

— Дашуль, давай в машине позавтракаешь.

Дочь соглашается с моим предложением. Отдаю ей крафтовый пакет с нашим заказом, сама вновь перехватываю ручку чемодана. Благо я припарковалась не так далеко от входа. Мы минуем столбы, куда обычно приезжает такси, и я щелкаю сигнализацией, открывая свою ласточку.

— Ну что? Как твоя поездка? — мы выезжаем на КАД, я вижу, что Дашка после нескольких глотков кофе взбодрилась и может вести хоть что-то похожее на беседу.

— Не спрашивай, мам.

Дочка морщит нос, а я удивленно приоткрываю рот. Обычно она любит ездить к отцу, потому что там ее сестра, с которой они сейчас ладят. Но в данный момент вижу, что дочь обсуждать не особо готова.

Или не хочет меня тревожить...

Пять лет назад, когда я почти что сбегала с Дашей в Питер, я запретила себе вспоминать о бывшем муже. Боль была невыносимой, потребовалось слишком много времени, ресурсов и силы характера, чтобы собрать себя по кусочкам и начать жить счастливо.

Сейчас все хорошо и стабильно. Высокая должность, к которой я пришла сама. Довольно высокий стабильный заработок. И больше нет боли. Там, где раньше билось сердце, сейчас кусок льда. Но я не выбирала для себя этого, просто оказалось так проще прожить всю ту боль, что была во мне.

С Дашей у нас был уговор. Все ее поездки к отцу я поощряла, для девочки крайне важен папа. Но про его жизнь слышать ничего не хотела, только про то, как поживает моя старшая дочь, которая пять лет назад при разводе приняла решение остаться с отцом.

Я не могу сказать, что с Кариной спустя столько лет наладились отношения. В глубине души она все еще считает меня виноватой в том, что Саша ушел от меня.

Но я не хочу идти у нее на поводу. Потому что было все не так.

— У Карины все хорошо, ма. Она, кстати, хочет приехать к нам на месяц, — после слов Дашки мои губы трогает легкая улыбка. Месяц — это очень круто. У нас не было еще такого, чтобы старшая дочка на такой срок приезжала к нам.

— Ничего себе! Это здорово!

— Да, мам, — Даша машет рукой, — Карина просто устала там находиться. Я если честно тоже была готова сбежать еще неделю назад, папу просто обижать не хотелось.

Дочь сворачивает на опасную для меня территорию. Наверно она ждет, что я задам вопрос, а что же собственного такое там происходит... Но это зачит я залезу туда, куда сама себе запретила лезть.

Меня не должны волновать Сашины вопросы. Ну только если это не касается моих детей...

Оправдание нашла? Юля-Юля...

— Есть что-то, Дашуль, что мне важно знать?

— Ой, мам, я не знаю, что там у папы с Аленой происходит, но они ссорятся каждый божий день. Каждую минуту. У меня голова пухнет от их криков. И Карина тоже видно что устала от этого.

Я смотрю четко на дорогу, хоть и руки слегка дрожат, плотно сомкнувшись на руле.

Юль... Ну не касается тебя это.

Пять лет.

Пять долгих лет этот мужчина не давал о себе знать. Он не интересовался твоей жизнью, как ты устроилась, как было тебе с ребенком в другом городе первое время.

Ничего...

Забудь. Ссорится со своей женщиной, пускай. Не твоя забота.

— Ну и ладно, — у меня получается перестроиться на свой привычный лад, — Буду тогда вас с Каришей развлекать. Даже отпуск возьму.

— Реально, возьмешь?

Она допивает свой напиток, вдывая воздух из трубочки, отчего на весь салон разносятся кряхтящие звуки.

— Обещаю.

Дорогие наши и любимые!

Мы с Селин очень рады вас видеть в нашем новом романе. Очень ждем от вас комментарии, ваши эмоции, которые нас подпитывают и заряжают)

Мы всегда рады как нашим постоянным читателям, так и новым.

Вы знаете, что у нас не бывает простых историй, здесь будет очень эмоционально, порой на грани. Герои обнажат все свои чувства, страхи и обиды.

Если вам нравится история, будем очень признательны и благодарны за ваши лайки и библиотеки, для нас это важно в профессиональной сфере)

Крепко обнимаем каждого ♥#

Глава 2. Юля

— Нет, планы уже расписаны, — озвучиваю в трубку своему ведущему менеджеру, в то время как кто-то судорожно пытается пробиться на первую линию: — Да, первый квартал следующего года. Не переживай, нам всегда есть что продать, — усмехаюсь, потому что мои менеджеры научены не останавливаться.

Нередко бывало такое, что руководство даже переживало, а оставим ли мы кому-нибудь возможность поработать. Конечно, сейчас энтузиазм спал, да и больше стало управленческой работы, но раньше это здорово отвлекало.

Снова вторая линия пытается назойливо о себе напомнить. Отрываю телефон от уха и смотрю, кто это.

Карина.

— Я перезвоню, — обрываю разговор, так-то уже ведь и рабочий день закончился: — Алло, Карина, — улыбаюсь я, отвечая своей старшей.

— Мам, привет, я подумала, а может, я пораньше приеду? — задумчиво тянет она, а в это время я слышу, как явно женский голос посылает кого-то в пешее эротическое путешествие.

Только хочу ответить, но в этот момент будто слишком близко ко мне раздаётся голос Озерова. Ловлю секундный ступор, но не вникаю в слова. Не хочу, да и это не моё дело. Достаточно того, что я невольно стала свидетелем того, чего не должна знать.

— Если у тебя с учёбой всё улажено, я совсем не против, — озвучиваю дочери, наконец.

Она уже, считай, совершеннолетняя. Скоро двадцать один год, и, конечно, наша связь не похожа на ту, что мне бы хотелось иметь со взрослой дочерью. Но если честно после того, как Даша неделю назад вернулась домой и сообщила о целом месяце пребывания Карины в гостях, я обрадовалась. К тому же сейчас уже май. Мы могли бы, в конце концов, позволить себе утренний кофе-брейк и непринуждённые разговоры, как я когда-то рисовала в своих мечтах. Безусловно, наладить тёплое и близкое общение едва ли мы сможем. Ведь этого должны хотеть двое людей, а пока среди желающих только я.

Да и в целом, жизнь и мои мечты за последнее время свелись больше к материальному. Чего-то душевного, к сожалению, никак не удаётся найти. Даже того, чего бы мне просто хотелось как женщине.

Работа в сфере недвижимости, да ещё и в продажах забирает много энергии, а учитывая, что я выросла с обычного менеджера и сейчас руковожу целым отделом — это втрое больше моего участия.

Если коротко, то это очень помогало, когда я только пыталась успокоить свою психику и поднимала себя с колен.

Первый год в Питере не особо помню. Механические действия, работа, учёба на этой работе, адаптация Даши в новой школе, истерики из-за того, что она скучает по отцу и сестре... Что уж скрывать, я просыпалась со слезами и засыпала с ними же. Кто-то скажет, слабая, и возможно, стальную броню я и, правда, приобрела только сейчас. Я и не претендую, если честно. У каждого степень своей беды варьируется по своей шкале. Для себя я пережила десятибалльную, после которой нужен не один год на восстановление.

Второй год стал более осознанным, появились средства не из подушки безопасности после развода, а свои кровные. Заработанные и отложенные. Первый отпуск с дочерью, в который старшая отказалась ехать. Она тогда даже не ответила на мой звонок, а ответила по СМС. Такая была пропасть.

Но, невзирая ни на что, мы неплохо жили, даже если моя дыра в груди придавала налёт тоски, одиночества и грусти.

К третьему году, когда уже я получила должность ведущего менеджера в отделе, я перестала думать о Саше. Точнее, я научилась думать о нём только как об отце моих детей. Не как о бывшем муже, ни о том, что где-то в глубине одинокая девочка всё ещё задаётся вопросом, что она сделала не так... И дело не в её самооценке, а в том, что она любила. Искренне и бескорыстно, чистой любовью.

Вероятно, по этой причине, в моей жизни нет постоянного мужчины. Я не подпускаю никого ближе, чем на два метра. Даже несмотря на то, что есть те, кто активно ухаживают, знаю, это страх вновь быть обманутой, преданной, непонятой, оклеветанной... и ещё куча всего, что я испытала перед разводом.

Но как бы то ни было, мы закрыли с Озеровым нашу главу разводом. Каждый выстраивает свою жизнь так, как ему хочется. И каждый из нас пережил ту боль, которую мы причинили нам самим и нашим детям.

— Отлично, мам, — отвечает спустя какое-то копошение и паузу Карина.

Возвращаясь из мыслей и слышу там у неё опять какие-то движения.

— У тебя там всё в порядке? — интересуюсь не для того, чтобы узнать о нём или о ней, а чтобы удостовериться, что дочь не участвует в этом.

— Мы не договорили, Озеров! — слышу практически визг на заднем фоне.

Округляю глаза и даже трубку от уха отрываю, а потом слышу дочку:

— Мам, ладно, мне пора. Я забронирую билеты, скину, ок? — тараторит она, что я не успеваю даже сказать до свидания: — Алён! Ну хватит! Папа не хочет детей от тебя... — дочка говорит это так отчетливо, видимо только отнимая трубку от уха.

Лишь после этой фразы я слышу короткие гудки. Застываю статуей и повторяю в голове одну лишь фразу.

Это не должно тебя волновать, Юля.

Листайте дальше, дорогие)

Там визуалы ##

Визуалы

Хоть некоторые из вас и знакомы с героями из первой части, которая кстати здесь <https://litnet.com/shrt/lxq9>

Мы все равно считаем важным познакомить вас с главными героями, с которыми проведем время и с которыми впереди буря эмоций ##

Озерова Юлия Марковна, 45 лет

У Юли две дочери от первого и единственного брака. Она долгое время не работала, посвящала себя семье, но увы... Муж не оценил, а может и оценил) с этим разберемся чуть позже!

Сейчас Юлия живет с младшей дочерью в Санкт-Петербурге, где смогла начать жизнь с чистого листа после развода и построить бешеную карьеру!

Юлька молодец! ##

Озеров Александр Игоревич, 47 лет

Сашу можно смело назвать человеком, который полностью сделал себя сам. Он довольно закрытый, часто сам себе на уме. У него высокий интеллект, но при этом не сильно выражена эмпатия. Хотя его семья особо от этого не страдала, потому что и жену и детей он баловал и дарил максимум эмоций, на которые способен.

Что-то в их браке с Юлей пошло не так, произошел надлом...

Будем разбираться, что же случилось пять лет назад, почему Саша допустил развод...

А самое главное, что на сторону Саши встала старшая дочь, которая осталась с ним жить в Москве. Правда не только с ним, но и с его новой женщиной.

Но встреча с женой спустя пять лет всколыхнет эмоции, которые Александр почему-то прятал... А зря)

Глава 3. Юля

Глупо будет врать самой себе и убеждать, что я не прокручиваю услышанные слова уже как три дня подряд в своей голове. Меня даже это немного раздражает, я была уверена, что любые новости о жизни бывшего мужа ну никак не могут меня задеть.

Все твои убеждения рассыпаются в мелкие щепки, когда ты сталкиваешься с реальностью.

Итак... Значит Алена хочет родить Саше ребенка, а он не хочет.

Юля!

Ты могла понять слова дочери неправильно, все может быть не так плохо, как ты думаешь. И вообще, то, что они ссорятся еще ничего не значит.

В глубине души я просто хочу, чтобы бумеранг вернулся Алене. Все так часто говорят, что он существует, прилетает и бьет прямо по хребту, но судя по тому, что случилось в моей жизни, эта гадкая беспринципная женщина осталась в выигрыше.

Плевать, что у нее остался мой муж, потерю мужика еще можно как-то пережить. Но ведь она сделала все для того, чтобы моя дочь меня чуть ли не возненавидела...

И именно это оказалось самым сильным ударом. Первый год в Питере я порывалась Карину забрать к себе, через Дашку даже немного воздействовала, чтобы младшая делилась, как мы хорошо устроились, как классно в северной столице.

Все было абсолютно бесполезным. Из уст старшей дочери часто звучало имя той женщины, и я чувствовала не просто боль, я чувствовала тотальное поражение.

Ну и где же он бумеранг? Уже летит к ней? Или я должна быть мудрой, отпустить, простить и не желать зла? На словах легко, на деле — почти нереально.

Блуждая в своих воспоминаниях, я резко промахиваюсь мимо огурца, задевая острым ножом, который только наточила, свежий французский маникюр. Тут же отбрасываю рукоятку в сторону, с шипением вбирая палец в рот. Вкус металла неприятно расплзается по языку.

— Мам, это я, — входная дверь хлопает, слышу шаркающие шаги Дашули, а потом вижу саму дочку. Она сбрасывает с плеч рюкзак, бросая его в угол. Приподнимаю бровь, показывая свое недовольство, вперемешку с болью в ноющем пальце, — Я уберу, ма. Очень есть хочу.

Даша заглядывает в холодильник, доставая оттуда ветчину и сыр. Это самое любимое блюдо. Она может даже есть их без хлеба.

— Подожди, я почти доделала салат. Курица в духовке будет через пятнадцать минут готова.

Она откусывает свернутые в трубочку сыр и ветчину.

— А ты чего палец во рту держишь?

— Порезалась.

— А, — дочь взбирается на барный стул, подкладывая ноги себе под пятую точку, — Как хорошо, что скоро заканчивается школа и будут каникулы. Я не увижу этого дурацкого Солдатова целых три месяца.

— Артемка? Хороший же мальчик.

— Он идиот. Вечно шутит свои несмешные шутки, потом сам же с них и ржет. Меня задевает... То списать просит, то в столовке пирожок вырвет из рук. Надоел!

Дочь рычит, показывая всю степень своего негодования. А у меня улыбка расплзается по лицу. Первая влюбленность... Она всегда такая. Чуть сумасшедшая, непонятная и очень яркая.

— Я думаю, ты ему нравишься, дочь.

— Мам, ну вот папа разве так вел себя, когда ухаживал за тобой?

Она говорит это на эмоциях, не вкладывая особых чувств. А меня задевает. Прячу свое смятение, отворачиваясь к раковине и опускаю палец под холодную воду.

— Твой папа был тем еще, — хочу сказать, что засранцем, но при дочери не решаюсь, — Был хулиганом. Но не в прямом смысле этого слова.

— Это как?

Дочь продолжает ковырять мою затянувшуюся рану. Ее понять можно... Когда мы развелись с Сашей, ей было всего девять. Дети в таком возрасте не особо интересуются, как познакомились их родители и когда у них была свадьба.

А сейчас к ней приблизился как раз тот самый возраст... Хочется сравнивать себя и то, как было у твоих родоков.

— Ну твой папа был не самым многословным человеком. Один раз я несла тяжелый пакет, он ждал меня у подъезда. Молча выхватил из рук пакет и понес его за меня. Я честно... Перепугалась. Молчит, чернее тучи, несет мой пакет ко мне же домой... — губы трогает легкая улыбка от ностальгии, — Это он так ухаживал. Говорит, что настолько переживал, что говорить не мог. Но лицо было... Боялась я его.

— Ну вот, видишь, мам. Папа тебе помогал. А этот Солдатов только все портит!

Мы обе замолкаем. Я возвращаюсь к нарезке салата, погружаясь в ностальгию, за что себя начинаю тут же ругать. Дочь что-то включает на телефоне, какое-то видео на ютуб, заполняя кухню звуком из динамика.

— Мам, блин! Я забыла сказать, — она резко спрыгивает со стула и бежит к своему рюкзаку, — Сегодня же мы с девочками из класса проходили осмотр у, — она резко понижает голос до шепота, — У гинеколога. Нам тут выдали направление, нужно разрешение от родителей. Но вообще эта женщина врач меня так напугала последствиями... Может сделать вакцину?

Даша протягивает мне бумагу с направлением, я тут же перехватываю ее, внимательно вчитываясь.

Глава 4. Саша

Сажу в машине перед домом. Зажимаю переносицу, надеясь, на то, что дома, кроме Карины никого.

Однако, вовремя замечаю машину Алены. Все катится куда-то к чертям. Ежедневные стычки на фоне одной и той же темы. И как сама ведь не устала. Раньше и не было даже разговоров на тему женитьбы, все устраивало.

Сразу ведь сказал, что после развода не готов снова к браку. Гражданский, ради бога. И была согласна и обещала, что даже и просить этого не станет, ведь отличается от моей бывшей жены.

Отличается... Стопорю себя на мыслях о Юле. Мы потеряли нить давным-давно. Еще задолго до того, как по факту развелись. Была красивая история, но она закончилась.

Почему?

Все просто. Ее не было в семье, ее не было со мной, с дочерьми. А нам она нужна была. Сильно. Чтобы чувствовать, как раньше, чтобы дарить тепло и видеть ее улыбку.

Только вот она перестала улыбаться.

Единственное, что ее волновало — это ее фонд и то самое общество, куда я сам лично не особо стремился. И да, дал добро, думая, что это поможет ей развеяться. Но переросло это в какую-то настоящую зависимость.

Выхожу из машины, забирая папку с документами. Работа последние годы как какая-то отдушина. Пропадаю там и осознаю, что так не должно быть. Однако иначе не получается.

Вхожу в подъезд, проверяя смартфон на предмет срочных новостей или сообщений. Но, хоть тут спокойно и стабильно последний год.

— Я дома, — вхожу в квартиру.

Мы переехали в другое жилье, что было логично, потому что квартира осталась Юле. Конечно, не ожидал что она так резко оформит сделку купли-продажи и исчезнет. Я, вообще, если честно считал, что не решится. Когда впервые услышал от Даши, то было желание поговорить с бывшей... но Алена резонно заметила, что это не возымеет смысла. А дочери в любом случае поделились на два лагеря.

И это хорошо, что сейчас их общение потихоньку налаживается. Вины конечно нашей хоть отбавляй, но повлиять на то, чтобы она не увозила младшую — было бесполезно разговаривать с ней. Между нами были железобетонные стены, которые невозможно сломать ничем.

— Пап, — Карина выходит из комнаты.

Вижу, что куда-то собирается. Пока еще ее неформальный вид преобразен ярким макияжем. Хочется закатить глаза, но я никогда не запрещал дочери проявлять себя. Однако, признаться, надеялся, что это пройдет до восемнадцати.

Даже Алена и та, которая является владельцем собственного бизнеса и делового стиля до сих пор хочет повлиять на Карину. Но я не даю. Как минимум, потому что это не ее дело, а доказать то, что она лучше...это читается невооруженным взглядом. Хотя и соревноваться не с кем.

— Уходишь? — снимаю пиджак, закатывая рукава рубашки.

— Да, — кивает она и вижу как мнется: — Я решила к Дашке поехать...

Останавливаюсь, вскидывая взгляд на дочь.

— Окей, давай на пятничный рейс купим...

— Нет, — мотает она головой, поджимая губы: — Я не на выходные.

Теперь я встаю, глядя на дочку.

— Давай сразу всю информацию емко...

— Я на месяц, может подольше, — озвучивает она, чем заставляет вскинуть брови от удивления.

Она никогда не находилась в Питере так долго.

— В чем дело? — знаю, что должно быть что-то, почему такое решение возникло.

— Вам надо тут решить свои дела, — туманно говорит она.

Подхожу ближе, складывая руки на груди и потираю подбородок.

— Надоела ругань? — спрашиваю в лоб, зная свою дочь.

Просто так она ничего не делает.

— Ты и сам знаешь, что в чем-то она права, — морщит она свое лицо, а я глубоко вздыхаю.

Приплыли, блядь.

— Ты не хочешь жениться на ней, а прошло уже сколько...? Ребенка тоже не хочешь, а она вообще-то так и не стала матерью... Получается, вы типа как бы стоите на месте, — Карина говорит это все очень осторожно и неуверенно.

— Ты с матерью говорила? — спрашиваю, потому что прекрасно знает, что обсуждать с ней это я не буду.

— Да, она только за... Дашка даже сказала, что она возьмет отпуск и мы будем тусоваться, — пожимает она плечами.

— Ладно, — неопределённо озвучиваю, не понимая какие эмоции испытываю.

Даже не в отношении отъезда дочери, а скорее ее слов касательно Алены.

Карина поджав губы уходит в комнату, а я так и остаюсь в коридоре.

— Привет, — слышу щелчок замка и в проеме появляется Алена.

Красивая. Амбициозная и до совершенства идеальная. Но ее идеальность — это верхушка айсберга.

Как и всегда одета с иголки, макияж будто с картинки, с привычным длинным туго завязанным хвостом, улыбка эта широкая.

Подходит ближе, обнимая за шею, и заглядывая в глаза, оставляя след своей помады на щеке. Каждый раз так поступает, хотя ведь знает. Качаю головой, сам себе усмехаюсь.

— В чем дело? — нарочито бодро улыбается, приглаживая рубашку в районе груди.

— Надо поговорить.

Глава 5. Юля

— Что тебе сказала доктор? — поднимаю взгляд от направления, внимательно всматриваясь в лицо дочери.

Дашка у меня ранимая девочка, она не из тех, кто огрызается, решает вопрос через конфликт. Она скорее проглотит и замолчит, чем будет что-то с пеной у рта доказывать.

Я часто их с Кариной сейчас сравниваю, за что ругаю очень саму себя. Конечно, никогда я Даше не ставлю в пример или антипример ее сестру, это нечестно по отношению к ребенку. Ни к первому, ни ко второму.

Дети разные, можно закладывать в них одинаковые установки, но в силу характера каждый из них оставит внутри себя только то, что ему поистине откликнется. Так устроена человеческая психика.

После переезда в Питер я для себя определила две важные вещи, потому что эти проблемы переросли в страх. Я поставила себе цель больше не иметь финансовой зависимости от кого-либо, чтобы в любой момент решить вопрос самостоятельно.

И второй момент... Я больше не хотела отвержение собственного ребенка. Ситуация с Кариной активировала во мне страхи, о которых я даже не подозревала. Страх быть брошенной собственным ребенком.

Поэтому к Даше я находила подход, общалась со специалистами, чтобы они помогли мне адаптировать ребенка к новой реальности, где больше нет полноценной семьи.

Мне удалось. Честно и открыто. У Даши нет от меня секретов, она может прийти вечером ко мне в спальню, залезть на кровать, прижавшись под бок, и начать рассказывать обо всем на свете: о своих переживаниях, своих ожиданиях, планах.

Мне больно до сих пор, что я не знаю ничего о своем старшем ребенке. Но я правда старалась, я тянулась, я пыталась. Ей это оказалось ненужным.

— Ну... — Дашка мнется, а я тут же понимаю, что разговор в поликлинике мог быть травмирующим для нее. Почему-то врачи, если рядом нет взрослого, иногда позволяют себе лишнего. Не все, конечно, но попадают кадры, — Она напугала меня, что я начну половую жизнь с мальчиками и могу подцепить целый букет. Потом что-то буркнула себе под нос типа “Знаю я вас молодых” и сунула мне это направление. Мам, я честно, я даже еще не целовалась ни разу, я не...

— Дашуль, — тутдвигаюсь ближе к ней, заключая дочь в теплые объятия, — Эта женщина не компетентный врач, она не должна была запугивать тебя и уж тем более так разговаривать с тобой. Я посоветуюсь со своим гинекологом, если эта вакцина тебе необходима, мы поставим. Но в той клинике, где наблюдаюсь я, хорошо?

— Спасибо, мам.

Улыбаюсь ей, приглаживая волосы на макушке. Духовка издает писк, оповещая о готовности курицы. Дашка убегает переодеваться, а я сервирую стол.

Внутри поднимается буря злости и негодования. Я знаю, что не смогу уберечь дочь от влияния других людей, но порой границы у других людей, вернее их отсутствие, просто поражают.

После плотного обеда сажусь за работу, которой с каждым днем все больше. Казалось бы, у меня руководящая должность, я могу делегировать множество задач своим сотрудникам, но отпустить контроль не получается.

Все время кажется, что я сделаю лучше и быстрее, чем они. И нет, это не возвышение над ними, а просто обычный страх оказаться ненужной.

Так однажды уже случилось... В фонде. Больше не хочу.

После трех часов плотной и усердной работы, я разминаю шею и откладываю очки в сторону.

Так, нужно позвонить Лиде, уточнить про вакцину, пока не закончился рабочий день. А то потом могу забыть.

— Юлечка, добрый вечер! — прекрасная доктор, как обычно, лучезарна и приветлива, — У вас что-то случилось?

— Нет, Лида, я звоню проконсультироваться, — вкратце ей пересказываю ситуацию, — Что думаете, нужно нам это или пока рано и можно подождать?

— Ой, Юлия, конечно то, как преподнесла моя коллега информацию вашей дочери — недопустимо. Но с ее посылом я согласна, сейчас девочкам делают вакцины от ВПЧ с девяти лет. С разрешения родителей, разумеется. Обычно ее ставят до начала половой жизни, — продолжает пояснять, — В этом возрасте иммунный ответ на вакцину лучше, а эффективность выше.

Я, как довольно структурированный человек, тут же подвигаю пустой лист бумаги к себе, конспектируя то, что мне рассказывает Лида. Чтобы потом обязательно вернуться, перечитать, еще раз самостоятельно почитать статьи и принять решение.

— Юлечка, сейчас случаи деток уже с активным ВПЧ участились. Можно эту гадость подцепить через полотенце, одежду и даже чужие игрушки. Увы, наша реальность такова. Хотя пока все еще считается, что самый возможный способ — через половой контакт. К нам приходят уже с вирусом активным дети до четырнадцати лет.

Я еще советуюсь с врачом по ряду вопросов. Внимательно перечитываю все то, что записала.

Лида сказала, что согласие обоих родителей не требуется, я могу от себя дать разрешение. Но может все же стоит сказать Саше?

Любая вакцина — это дело серьезное.

Мысли о том, что мне придется контактировать с бывшим мужем, вызывают душевные муки. Я ужасно этого не хочу.

Внутри тут же начинается торг, отрицание, даже гнев...

Юля!

Его не было рядом, когда у Дашки была ангина, когда она подцепила ветрянку.

А тут вакцина...

Думай сама! Сама, деточка!

И я, еще раз обсудив с Дашей ситуацию, принимаю решение о том, что лучше обезопасить и поставить дочери эту вакцину.

Глава 6. Юля

— Ну как? Всё в порядке? — обращаюсь к дочери, которая кивает, но глаза всё равно немного красные из-за того, что не сдержалась.

— Чувствуешь себя нормально? Или посидим ещё пять минут? — интересуюсь, прикладывая губами ко лбу своего ребёнка.

— Не, мам, нормально. Хорошо, что мы пошли сюда, а не в районную поликлинику... — озвучивает Даша: — Спасибо, — улыбается и обнимает меня.

Вместе с тем, как я начала зарабатывать, некоторые аспекты нашей жизни я пересмотрела. И нет, я не брезгую бесплатной медицины, к педиатру мы только туда и ходим, там замечательный доктор с большой буквы и огромным опытом за спиной. Но иногда в таких делах, как анализы, например, или стоматология, я теперь выбираю платно, быстро и с комфортом.

До развода этот вопрос ни разу не поднимался, но первое время в Санкт-Петербурге после переезда, мы всё-таки жили совершенно иначе от того, как привыкли будучи полноценной семьей и от того, как живём сейчас.

— Так, ну что, тогда идём, может, зайдём перекусить куда-нибудь в кофейню? — играю бровями, на что Даша согласно кивает.

Выходит из клиники, наконец, немного радуясь тому, что погода стала хоть похожа на весеннюю. Даша уже в своей любимой кожаной куртке, из которой не вылезает весной второй сезон. Хорошо, что взяла на вырост.

Садимся в машину как раз в тот момент, как мой телефон разрывает пространство громкой мелодией.

— Мам, — выдыхает Дашка, — Я чуть не...

— Я тоже, — смеюсь, нажимая кнопку ответа.

— Слушаю.

— Юлия Марковна, добрый вечер.

Мой ассистент Инна вежливо, но очень медленно проговаривает звуки.

— Срочно? — тут же спрашиваю, нажимая на кнопку запуска двигателя: — И насколько важно? Я буду в течение двух часов...

— В здании свет отключили, не совсем понимаем, что нам делать...

Озвучивает она, а я в ступоре не понимаю, не ослышалась ли я.

— Что у службы эксплуатации? — тут же спрашиваю: — К ним обращались?

— Я позвонила, но мне сказали, что нужна заявка...

— Какая, чёрт возьми заявка... — начинаю раздражаться: — Обслуживание здания -- это их забота. Дай мне минуту.

Отключаю звонок.

— Малыш, один момент, — озвучиваю Даше, параллельно звоня Вите.

Это как раз — мастер на все руки, который должен устранять поломки без чёртового напоминания.

— Вить!

— Я уже! — мгновенно отвечает он: — Копаемся в щитке, — мне позвонили с каждого подразделения, ты пятая!

— У меня деньги стоят, понимаешь?! — давлю на то, что мне на остальных всё равно.

— Ой, Юлечка, и у меня стоят, падлы такие, и никто ведь не отдаёт.

Усмехаюсь этому старику. Конечно, не совсем уж он и старик, но всё равно.

— Ладно, пожалуйста, с меня презент за скорость, — смеюсь я.

— Желательно сорокоградусная, — вторит он мне.

Прощаюсь с ним, отвечая в чате, что всё в процессе устранения аварии. А пока, менеджеры могут немного отдохнуть и пообедать, чтобы потом уже не отвлекаться от работы. И отдаю указание, проинформировать, когда все починят.

Дальше, я выезжаю, в конце концов, на дорогу, и совсем недалеко от дашкиной школы останавливаюсь, чтобы с ней перекусить в нашей кофейне.

— Мам, кстати, — листает она меню: — Карина сказала, что она купила билеты, — информирует меня младшая, как только мы садимся.

— Класс, когда? — искренне я радуюсь.

Надо будет тогда её комнату немного привести в порядок. Конечно, это больше гостевая, но я всё равно там немного позволила Карине внести своего вкуса, и с того момента так и не меняла ничего.

— Вроде папа купил на послезавтра, — озвучивает дочка.

— Ого! — я не ожидала, что так скоро.

Я, безусловно, рада, но мне надо немного подбить свой график и тогда как раз взять за свой счёт дни.

— А обратно? — выбираю себе итальянский сэндвич и кофе.

— А она сказала, потом купит...

— Хм, — единственное, что я говорю дочери.

Я абсолютно точно не против открытой даты. Более того, для меня это шанс, если, конечно, Карина будет готова к налаживанию контакта.

Однако всё настолько плохо?

Эта мысль так и крутится в голове. Ощущение, что Карина бежит, как с тонущего корабля. И Озеров, полагаю, понимает. Или нет...

— Мам? — Даша щёлкает рукой перед моим лицом: — Я говорю, она мне кое-что сказала, — с долей осторожности озвучивает ребёнок.

— Если это касается отца, то я не думаю, что нам стоит это обсуждать, — стараюсь быть категоричной.

Любопытство, конечно, играет. Но разве, это вообще может иметь значение для меня, и моих дочерей... Нет, бесспорно, имеет, особенно для той, которая выбрала отца. Но надо ли мне вмешиваться в это, учитывая, что я абсолютно не хочу развивать новые конфликты, как-то контактировать и вообще даже думать о них и их семье.

— В двух словах там всё плохо, папа не ночует дома сейчас, — выдаёт всё-таки Даша.

С неким укором смотрю на неё и качаю головой.

— Я не могу смолчать, — отвечает дочка на моё молчание: — И вообще, может быть это значит...вы, наконец, сможете, не знаю, поговорить в первый раз...

— Ты выбрала еду? — перебиваю её, поджимая губы.

Даша опускает глаза на мой вопрос, а я стеклянным взглядом смотрю в меню. А в сознании звучит ответ дочери «мы не сможем, потому что это уже невозможно».

Глава 7. Юля

— Уютно у вас тут... — Карина осматривается по сторонам, словно впервые в нашей с Дашкой квартире, — Новые шторы купила?

Она касается легкой кремовой ткани пальцами, пропуская ее через них. Несмотря на то, что я не живу со своим старшим ребенком, я все еще мать, да я ею всегда и была. Поэтому чувствую любое изменение в настроении ребенка.

Карина — бойкий, острый на язык человек. Ей легко найти к чему придаться и что раскритиковать. Однако сейчас я замечаю, как дочь погружена в себя и выглядит довольно задумчивой.

— Да, еще в прошлом году. Я не успела ничего приготовить, было много работы. Оставляю деньги на столе, закажите себе с Дашей что-нибудь на обед, а к ужину я приеду и приготовлю твои любимые оладьи с красной рыбкой и творожным сыром.

— Спасибо, — она подергивает плечами, — Деньги у меня есть, папа хорошие карманные дает... А оладьи, — она сглатывает, опуская голову вниз, — Я больше их не люблю.

Не знаю, почему так, но у меня стойкое ощущение, что она говорит неправду. Нет, отец точно хорошо ее обеспечивает. Это я знаю по тому, что Даше он тоже приличные карманные присылает. А вот про оладьи...

Очередной протест? Чтобы вновь задеть меня и показать, что я совсем ее не знаю?

Это не так!

Все разговоры про Карину от Даши я впитываю как губка, чтобы хотя бы на расстоянии почувствовать старшего ребенка. Знаю, что она слушает, какие сериалы смотрит, кто ее друзья.

Так зачем же жалить меня сейчас своим пренебрежением?

— Карин, — я с шумом выдыхаю воздух, раскачиваюсь на пятках, ладонью отталкиваясь от столешницы. Мое состояние сейчас для меня очень важно, я стараюсь быть в гармонии и балансе, чтобы не расклеиться и поплыть туда, куда не нужно. Мне так тяжело дается все это, что я не могу промолчать и простите за мой русский “схавать” в очередной раз то, что хавала все время, — Я понимаю, что возможно, ты не очень хотела на такой долгий период приезжать к нам в гости. Но, как я понимаю, тебя вынудили обстоятельства. Я не хочу обсуждать конкретно сейчас твои претензии в мою сторону... Да и знаешь, я их уже наизусть выучила. Я плохая мать, я испортила все, я виновата в разводе с вашим папой... Я могу так долго перечислять. Прошу тебя, у меня на носу важный контракт, от которого зависит многое. Не расшатывай мою землю под ногами сейчас, хорошо? Если тебе так не нравится мое общество, то я готова минимизировать наше общение.

Я сама не верю, что выдаю все это так легко, плавно и на одном выдохе. Но мне становится легче.

Карина меняется в лице, опускает руку от штор, отчего те покачиваются аккуратно от мимолетного движения. Дочь прикусывает нижнюю губу, снова погружаясь в себя.

Ничего не отвечает на мой монолог, и я позволяю себе продолжить.

— Если вдруг тебе захочется поговорить о чем-то личном, то я готова быть твоим плечом. Я всегда была, есть и буду твоей мамой.

— Не захочется, — она словно стряхивает с себя мои слова, — Окей, я поняла. Обед закажу нам с Дашкой. На ужин стараться для меня отдельно не надо, я поем то, что вы обычно едите.

Ну что ж, ладно, так уж и быть. Бог видит, я старалась угодить. Не хочет — не надо. Бегать, умолять, выпрашивать я не стану.

Это лишний раз покажет ей, что я чувствую вину за случившееся... Но я ее не чувствую. Развод состоялся не потому что я была плохой женой, а потому что их отец, мой муж предпочел другую.

Всех собак на меня не повесишь...

— У меня в час начинается важное совещание. Я бы сказала, супер важное, — накидываю на свою шелковую блузу нежно-голубого оттенка пиджак оверсайз, — Поэтому звук я отключу. Надеюсь за это время ничего срочного не случится.

Я даже нахожу в себе силы улыбнуться, хотя у меня и так мандраж перед серьезным совещанием, плюс еще и дочь старшая в доме... Я ее ждала. Очень. Даже такую колючую и словно совсем неродную.

До работы я успеваю даже постоять на набережной в пробке, настраиваю себя на позитивный исход событий. Если получится уговорить наших коллег из московского офиса совершить эту сделку, мне выпишут премию в размере трех окладов, ну и это значительно повлияет на дальнейший мой рост в компании.

Я еще не говорила Даше, боясь ее реакции, но есть вероятность, что меня могут отправить открывать новый филиал в Краснодаре. Поэтому нам придется переехать...

А для нее переезд — это про стресс. Поэтому будем говорить только когда будет понятно на сто процентов, еду ли я туда.

Совещание проходит не сказать, что гладко, но довольно продуктивно. Я вижу намерения московских коллег, хоть они и уклончивы в своих ответах, но все же категоричного “нет” не говорят, что радует.

Я вся на иголках даже после своей презентации. Что-то не дает мне покоя, не могу найти себе места, а сердце и то скачет.

Аккуратно выхожу из переговорной в уборную, обдаю лицо холодной водой, промокаю матирующими салфетками жирный блеск в районе Т-зоны. И припудриваю всю эту историю.

Рука тянется к телефону проверить были ли важные звонки или смс.

Были... Черт!

Их было так много, что сердце и без того беспокойное, начинает скакать по груди как сайгак.

Карина... Саша... Саша?

Первой я перезваниваю дочери, но она не берет. Чувство, что что-то произошло, становится настолько осязаемым, что мешает дышать.

Что ж... Пришло видимо время набрать контакт, который записан как “Бывший муж”.

Он берет трубку почти с первого гудка. Тяжело дышит, через почти тысячу километров пуская в меня волны агрессии, которые я не спутаю ни с чем.

— Юля, блядь, Дашу повезли экстренно в больницу. Мне звонила Карина в слезах, ты не берешь трубку. Что у вас там, мать вашу, происходит?

Глава 8. Саша

— Алён, давай сейчас по существу... — смотрю на женщину, что, сложив руки на груди своём нежно-розовом пеньюаре, отбивает пальцами какой-то ритм: — Чего ты от меня хочешь? Что за бесконечные намёки на то, о чём мы изначально с тобой говорили?

— Озеров, — цокает она: — Ты ведь понимал, да, разницу? Между мной и ею?

— Чёрт! Да причём здесь вообще мать моих детей?!

Алёна демонстративно прикрывает глаза. Мы оба на взводе. Но её волны негодования уже сидят в печёнках. Учитывая, что, мать его, русским языком она сказать не может.

— Притом, Саша. Она всегда с нами, именно она не даёт нам сейчас стать полноценной семьёй. — говорит обиженным тоном, а я опускаю голову в руки.

Какой семьёй?! У нас отношения, окей, но мы не семья. Откуда вообще всё это берётся в бабских головах?!

— Алёна, — чеканю каждый звук, старательно удерживая демонов внутри.

Хотя мне, по существу, хочется послать сейчас всё на несколько букв и снова уехать на дачу. Там, по крайней мере, никто не клюёт мозг, там тишина, которая позволяет многое обдумать. И я честно пытался встать на сторону Алёны, то, чего не сделал тогда с бывшей. Как урок, мать его, как бы посмотреть с её стороны.

Но ни хрена не получается. Из фразы "я не женюсь повторно" разве может быть что-то непонятно?! Из фразы "мне не нужны еще дети" — разве есть какие-то другие варианты решения вопроса?

— Алён, мы то сходимся, то расходимся, о какой семье может быть речь? Да, мы взрослые люди, которые могут напрямую говорить, мать твою, о сексе и о том, что нам друг с другом комфортно...

Она отворачивается, и я вижу, как начинает покачиваться её нога.

Чёрт. Сейчас опять будут слёзы.

— Скажи, чего ты от меня хочешь? — наконец прошу её.

Она несколько секунд молчит, а я, прикрыв глаза, жду. Скорее бы уже этот разговор закончился.

— Я люблю тебя, Саш, понимаешь? Очень, — искренне говорит, вставая с дивана, и подходит к креслу, в котором сижу я: — Ты тот мужчина, которого я ждала... долго, ждала, Озеров. И мне, как любой девочке, хочется платье, торжества, чтобы весь день был посвящён нам, — она присаживается мне на колени и заглядывает в глаза: — Разве я многого прошу?

Ладони женщины скользят по вороту рубашки, затем по линии пуговиц.

Зажимаю переносицу и хочу исчезнуть, если честно. Возможно, эгоистично и совершенно некрасиво по отношению к ней, но если бы я обещал подобное и не сделал — это одно. Другой момент, когда женщина вымаливает то, что мужчина дать ей неспособен.

— Саш, — наклоняется Алёна к уху: — Идём в спальню, нам обоим нужно расслабиться.

Другой бы, вероятно, полетел после подобного предложения, а мне снова хочется в закат и одиночество.

Сам, блядь, не понимаю, что творится. Бизнес стоит, ещё как стоит. В гору идёт. Дочь выучилась, по поводу Дашки вообще сомнений нет, она самая прилежная из всех, кого я знаю. Дачу построил, что теперь скрываюсь там.

Всё в порядке. И всё-таки нет. Вкуса к самой, мать его, жизни будто нет. Всё пресно, не солено, словно закончились все специи мира.

— Извини, Алён, — оставляю поцелуй на её макушке, вставая с кресла: — У меня ещё работа.

— Ты же говорил, что выходной? — недоумевает женщина, а я знаю, что так и есть.

— Нет, пара договоров на подписание нарисовались, — смотрю ей в глаза и у меня ощущение, что она прекрасно знает о лжи.

Но сама позволяет это делать, кивая. Правда, в этот момент ощущение, что в её глазах есть ещё что-то.

Выхожу из гостинной, чтобы, набросив полупальто, скрыться в паркинге. Когда захожу в лифт, то вижу, что звонит Карина. Однако сбрасываю, связь всё равно пропадёт. Когда выеду из подземки, наберу дочь, наверное, зовёт узнать как я, или рассказать, как долетела.

Улыбка тянется на лице, и пока я выхожу к своему месту, захожусь и немного даю себе выдохнуть, снова накатывает это чувство безнадёги, блядь, какой-то.

Выруливаю к роллетам, что медленно и громко поднимаются, а когда уже еду по горке, Карина, видимо, не может терпеть, потому что звонит мне снова.

— Дочь, ты к...

— Пап! Папа, я не знаю, что делать! — она кричит вся в слезах, и я мгновенно торможу посередине дороги.

— Что случилось?!

— Даша! Ей стало плохо, мы просто шли домой и вдруг, — она всхлипывает, глотает половину звуков: — Мама, там совещание! Я не дозвонилась!

Мозг в ритме центрифуги обрабатывают информацию.

— Что с ней случилось?! Объясни! Обморок?! Вы что ели? Отравление?!

— Она утром жаловалась на головную боль, я дала ей таблетку. А потом она была очень горячей, это уже на улице, — тараторит старшая дочь, а я ни хрена мать его не понимаю: — Но Даша сказала, что ничего, мы шли в сторону дома, чтобы померить температуру, а потом она резко упала, — Карина всхлипывает и ревет.

Давно не видел подобных состояний у старшей дочери. И всё опять...

— Так, ты вызвала скорую?!

— Да, мне помогли прохожие, — киваю сам себе, сжимая руль до побелевших костяшек.

— Мама тебе не звонила?

— Нет ещё, она говорила про работу и совещание...

Ага. Говорила.

— Так, виси, не отключайся, пока не приедет скорая помощь, я переключусь на вторую линию. — набираю Юлю, а зубы уже стёрты до состояния порошка.

Хочется взять и наорать. Снова какая-то хрень и снова тогда, когда дети у неё. Это просто невозможно.

Не берёт ещё. Ударяю со всей силы по рулю, а сам тут же лезу в браузер найти билеты до Питера.

— Карина? — возвращаюсь к дочери: — Я вылетаю ближайшим рейсом.

— Пап, пап, стой, приехала скорая, я позже позвоню...

Она сбрасывает вызов, а я остаюсь в разобранных чувствах. С силой жму на сенсор, вновь набирая свою бывшую. Но сказать всё, что я думаю — я скажу только тогда, когда увижу её напротив, чёрт возьми.

Глава 9. Юля

— Не нужно со мной так разговаривать!

Я тут же беру себя в руки. Не позволю ему больше унижать меня и пытаться втоптать в грязь. Приглаживаю волосы, тут же попутно выбегая из уборной.

Придерживая телефон у уха, слушаю, как мой бывший пытается выплеснуть на меня весь негатив, который у него накопился.

Видимо долго ждал, на ком снова сорвать свой пыл...

Только и я не та Юля больше, что будет пытаться понять, почему с ней грубо разговаривают, и что она сделала не так.

— А как с тобой разговаривать, Юля? Почему ты не берешь трубку?

— Не нужно меня контролировать, Озеров. Это больше не твоя забота. Я сейчас же выезжаю в больницу.

Он что-то начинает шипеть в трубку, но я сбрасываю звонок. Не хочу ничего слышать гневного.

Только когда аккуратно вхожу обратно в переговорную, чувствую, что ноги начинают подкашиваться, а к горлу подступает тошнота, как при сильном волнении.

Я наклоняюсь к уху гендиректора, вкратце, очень быстро и сбивчиво объясняю ситуацию. Ловлю несколько пар глаз заинтересованных коллег, которые отвлекаются от монолога одного из московских топ-менеджеров.

Борис Аркадьевич тут же меняется в лице. Он довольно понимающий человек, справедливый и строгий. Один раз он видел Дашку, когда мне пришлось взять ее на работу с собой на полдня.

— Конечно, Юля. Бегите, мы справимся. Если нужен будет отгул, напишите обязательно, организуем.

Я благодарно улыбаюсь, выпрыгиваю из офиса и завожу свою ласточку.

Куда ехать? В какую больницу? Я понятия не имею...

Беру в руки телефон, пытаюсь дозвониться до Карины. Озеров отчего-то тоже не сбавляет попытки вновь поговорить со мной. Желание заблокировать его контакт колет пальцы, но я игнорирую его.

Даша не жаловалась никогда на здоровье. Она хоть и тонкой душевной организации человек, но по физическим параметрам — это вполне здоровый, сильный и хорошо сложенный ребенок.

Может просто простуда... Или реакция на вакцину? Я думаю, что все обошлось. Это недоразумение.

С моим ребенком не может случиться беда... Это невозможно.

Карина не перезванивает, но зато от нее приходит короткое смс с адресом больницы. Я тут же бью по газам, срываясь с места.

Благо больница не так далеко расположена, ехать двадцать минут, а если чуть поднажать, можно управиться и за все пятнадцать.

— Карина, — вижу ее в коридоре. Сгорбленную, потерянную и какую-то словно... забитую. Она вздрагивает от звука моего голоса, но я четко ловлю в ее взгляде изменения. Словно с моим появлением груз ответственности тут же падает с ее плеч и переносится на мои, — Где Даша?

— Я не знаю, мам, — она устало пожимает плечами, — Врачи пока ничего не говорят. Попросят ждать.

— Что случилось, Кариш? Расскажи мне все, как было, пожалуйста.

Она откидывает голову назад, бьется затылком о бетонную стену.

— Мы просто шли... Разговаривали. Ей резко стало плохо. До этого, еще утром, у нее болела голова. Я дала ей обычный нурофен. Ей нельзя было давать, да? Это я виновата?

Теперь я понимаю, что она переживает не только за состояние сестры, но и за то, что может быть как то причастна к этому. Но я уверена, что никакая таблетка не могла спровоцировать такую реакцию.

Тем более Даша не в первый раз пьет обезбол. Не то, чтобы она жаловалась на частые головные боли, но они иногда бывали.

Мы делали МРТ, с головой все в порядке. Обычный стресс и перенапряжение, плюс гормональная перестройка, как у любого подростка.

— Нет. Твоей вины в этом нет. Подожди здесь, я узнаю у врачей.

Подхожу к регистратуре, объясняю ситуацию, на что получаю такой же ответ, какой дали старшей дочери.

Ждите...

А чего ждать? Почему мне не могут сказать, что с моим ребенком?

Я довольно уверенно держусь, словно чувствую, что все это недоразумение, что с Дашей точно ничего не может случиться плохого.

— Папа, кстати, уже взял билет. Будет в Питере ближе к вечеру.

Карина ошарашивает новостью, я даже начинаю пошатываться пуще прежнего, удерживая себя одной рукой за стену.

Давай, Юля, у тебя есть время, чтобы морально подготовиться и справиться с его натиском.

Ты сможешь!

А то, что он откроет рот, сомнений нет.

— Озеровы кто?

Мужчина врач в белом халате, синих брюках и такого же цвета кроксах поднимает бумагу формата А4, размахивая ей.

— Мы!

Тут же подаю голос, обращаясь на себя его внимание. Он смотрит пристально, чуть наклоняя голову.

— Пройдемте за мной.

Почему-то только в ту секунду, как он следует вперед, подзывая нас, я начинаю терять контроль. Его фигура, лицо, жесты, мимика... Все кричит о том, что не все так просто с моей ягодкой.

С моей девочкой что-то не то...

Девочки, мы решили к вечеру порадовать вас еще одной главой) Начинается завязка, мы приближаемся к встрече Озеровых и к тому, чтобы узнать, что же с Дашей...

После этого жизнь Юли и Саши изменится полностью. Придется адаптироваться к новым реалиям.

А пока, если вам не сложно, нам будет приятно. Давайте добьем до 500 звездочек #, пожалуйста, осталось чуть-чуть... И мы в 00:00 выложим еще одну главу.

Обнимаем, приятного вечера! ##

Глава 10. Юля

— Я слушаю вас, — говорю врачу, как только мы заходим в его кабинет.

Он не торопится рассказывать, сначала садится за свой стол, кладёт лист бумаги, что держал в руках перед собой.

Я начинаю раздражаться, но отчаянно держу себя в руках. Когда такая гробовая тишина, и медики не стараются как можно скорее успокоить родственников пациента — жди беды.

Карина посылает в меня взгляд, в котором как будто просит сделать хоть что-нибудь.

— Простите, мы сюда посидеть зашли? — выдаю я, вздёрнув бровь и глядя на мужчину.

Он, наконец, отрывает глаза от бумаги и глубоко вздыхает.

— До конца сейчас быть уверенными мы не можем, анализы только ушли на диагностику, но... были ли прививки три дня плюс минус назад?

— Я не понимаю как... — шепчу я, качая головой: — Да, были.

Врач делает себе какую-то пометку.

— Какая?

— Вакцина ВПЧ... — на автомате выдаю и смотрю на него ошалевшим взглядом.

— Есть очень большая вероятность, что у вашей дочери редкая индивидуальная реакция на вакцину.

— Что... — ощущение, что я в другой реальности, я понятия не имею, что это значит и как это.

— Я сейчас постараюсь объяснить простым языком, — врач складывает руки в замок, а я часто моргаю, глядя на него, и нахожусь в какой-то прострации: — В медицине это называется цитокиновым штормом. То есть, это гиперреакция иммунной системы, при которой в кровь выбрасываются цитокины в чересчур большом количестве. То есть иммунитет вашего ребёнка как бы действует сейчас не во благо для организма. Иными словами, иммунитет не защищает. А как раз цитокины — это молекулы, управляющие иммунным ответом, и так как их количество превалирует, они уничтожают клетки и ткани.

Округляю глаза, если честно, половину слов я просто не понимаю, но старательно пытаюсь вникнуть. Слезы наворачиваются на глаза, и я всё ещё с полным непониманием смотрю на доктора.

— Сразу скажу, что это лечится, более того, дети восстанавливаются гораздо легче и быстрее взрослых. Есть разные способы. Но сейчас мы должны до конца убедиться в том, что диагноз верен и уже после назначать план лечения. Ещё я очень рекомендую национальный центр здоровья детей, там есть отделение иммунопатологии и реанимации.

Карина рядом сидит совсем притихшая, а я стараюсь переварить. Киваю на всё то, что говорит врач. Потом я обязательно всё это изучу, и до конца разберусь.

— А к ней можно сейчас? — задаю остро интересующий меня вопрос.

Как она там одна совсем? Ей наверняка страшно, она ведь такая нежная девочка...

— Сейчас она пока в реанимации, — врач поджимает губы.

Киваю, утирая одиноко стекающую слезу.

— Мне от вас нужно согласие, — он начинает доставать бумажки, а я на автомате подписываю, пока перед глазами расплываются все буквы: — Здесь персональные данные, согласие на вмешательство и взятие биоматериала... Пока вы можете быть свободны, — выдаёт он в конце, а я резко отрываю взгляд от бумаг.

— Нет, мы дождёмся...

— Юлия... — запинаясь доктор.

— Марковна, — киваю я.

— Юлия Марковна, смысла в ожидании здесь сейчас нет. Вас не впустят в ближайшее время, диагностика всё ещё идёт. Лучше набраться терпения и сил дома, чтобы приехать сюда уже с совершенно другим настроением.

Он встаёт с места, указывая нам на дверь. Понимаю, что так он нас выгоняет, и, наверное, могу его понять. Но собственное состояние едва ли способно сейчас к чему-то разумному.

Это впервые, когда происходит нечто такое, что подрывает всю мою гармонию и стабильность.

— Мам, идём, — Карина берёт меня под локоть, поднимая со стула, и я, кивнув врачу с тихим “спасибо”, всё же ковыляю на выход.

Когда мы оказываемся в коридоре, то я со всей силы зажимаю глаза и, придерживаясь рукой стены, даю себе одну минуту, чтобы собраться.

— Я папе написала про диагноз, — врывается шёпот Карины в моё сознание.

Сейчас мне плевать, кто и что там знает. Сейчас я должна понять свои дальнейшие действия, чтобы оперативно и до конца вылечить своего ребёнка.

Достаю телефон, на котором десятки пропущенных от Озерова, и судорожно ищу информацию про эту цитокиновую реакцию и возможные центры в Москве, которые занимаются только вопросом иммунитета.

— И какого чёрта вы обе мне не отвечаете?! — громогласным и явно недовольным баритоном раздаётся на весь коридор.

Как он здесь оказался так быстро?...

Следующая глава выйдет 31.05. Дальше по плану через день #

Глава 11. Юля

Реагировать на его очередную грубость нет сил совершенно. Я мажу по нему незаинтересованным взглядом, крепче сжимаю ручку сумки, ощущая, как Карина рука словно по инерции придерживает мое плечо, обдавая теплом.

— И чего молчим?

Он ставит руки по бокам на светло-голубую рубашку, отчего полы его пиджака расходятся в стороны. Взглядом пытается пригвоздить к полу, и я чувствую, что Карина слушается отца, а вот мне нет надобности терпеть его присутствие.

— Мы были у врача, — жестом показываю в сторону двери, на которой висит табличка с ФИО доктора и его должностью, — А тебя ждали к вечеру.

— Удалось поменять билет на самый ближайший рейс, — он словно чувствует мое равнодушие, тут же выпрямляется, выкатывая грудь вперед.

— Пап, я тебе там смс скинула с диагнозом. Мы, если честно, пока сами ничего не понимаем, но врач обещал, что у Дашки есть шансы.

— Шансы на что? — его голос вмиг становится хриплым, с утробным то ли рычанием, то ли ревом.

— На жизнь.

Я не хочу даже думать об этом! Моя девочка будет жить... И нет другого варианта.

— Карин, побудь здесь. Нам с мамой нужно поговорить.

“Нам с мамой нужно поговорить” тут же отбрасывает меня на пять лет назад, и я уже чувствую, как бывший муж намерен отчитать, обвинить во всех смертных грехах.

Благо у меня были эти пять лет, чтобы окрепнуть и научиться отвечать на подобные вещи достойно. Как говорила мой психолог: “Юлия, вам нужно отстаивать свои личные границы, но не опускаться до подобной грубости”.

Поэтому хамить я не намерена, а вот заткнуть... Да!

Озеров протягивает руку, цепким захватом сплетая свои пальцы на моем локте. Утягивает меня за угол, чуть припечатывая к больничной стене.

В ноздри тут же ударяет аромат его парфюма, который я узнаю из тысячи... И нет, не потому что это романтично, и я помню, как пахнет мужчина, которого я когда-то сильно любила.

Просто я ему этот парфюм подарила на день рождения семь лет назад. А он так и не поменял привычный аромат.

— Ну? — вздергивает бровь, меня благо больше не касается руками. Без физического контакта куда проще, — Как так получилось, Юля?

— Врач говорит, что это реакция на вакцину, которую мы поставили Даше недавно.

Замолкаю. Он сверлит взглядом, поднимает медленно руку вверх, машет ей в воздухе.

Мол... Продолжай, Юлечка, расскажи мне, что там за вакцина.

— Детям сейчас с девяти лет ставят вакцину от ВПЧ, случаев заражения много...

Даже договорить не успеваю, уже замечаю, как дергается венка на его лбу, а губы плотно сжимаются.

— Какое нахуй ВПЧ, Юля? Ей пятнадцать. О чем ты вообще говоришь?

— Еще раз повторяю, мы посоветовались с гинекологом, нам все подробно рассказали. То, что случилось с Дашей, это редкий случай. Никто не застрахован. Ни ты, ни я, ни наша дочь.

Он отходит на безопасное расстояние, измеряет плиточный пол бежевого оттенка уверенными большими шагами. Руки сложены в карманы брюк, взгляд опущен вниз.

Останавливается резко, поворачивая голову вполборота. Недобро прищуривается.

— Это ты не усмотрела, Юль. Как ты могла не заметить, что наш ребенок болеет?

— Вновь винишь во всем меня, Озеров? Как и пять лет назад?

Ну, конечно. Проще ведь найти козла отпущения. Я виновата в том, что Карина была трудным подростком. Я виновата, что у него появилась другая, и мы развелись. Во все виновата только Юля...

Задолбалась!

— А ты за эти пять лет так ничего и не поняла...

— Я как раз все поняла! — резко ладонями отталкиваюсь от стены, выпрямляюсь, отчего тут же становлюсь выше. Шаг вперед, — Я поняла, что у тебя очень удобна позиция, Озеров. Приехал, весь такой важный, обвинениями кидаешься... Знаешь что?

Он заинтересованно приподнимает бровь, ожидая моего ответа.

— Я не разрешаю тебе так со мной разговаривать. Мы никто друг другу, соблюдай субординацию, пожалуйста. К Даше пока нельзя, врач даст знать, когда к ребенку можно будет прийти. Я напишу тебе смс. Всего доброго.

Обхожу его, между лопатками словно образуется огненный шар. Он прожигает в спине дыру, не прекращаясь смотреть.

— Карин, я поеду домой. Ты со мной или хочешь остаться с папой?

Я почти уверена в том, что дочь захочет остаться с ним. Так было уже... Но сейчас я подготовлена. Хоть мне и больно до сих пор, эти слова не ранят.

— Если ты не против, мам, я бы поехала с тобой. Не люблю в гостиницах ночевать.

Сердце резко подпрыгивает к горлу, а руки подрагивают. Мне хочется немедленно же прижать к себе ее и пообещать, что мы со всем справимся.

Но порыв чувств я все же сдерживаю. Ни я, ни она к такому не готовы.

Глава 12. Саша

Абсолютно охреневшим взглядом смотрю на них обеих.

— Пап, — Карина подходит следом, пока я просверливаю несколько дыр в теле своей бывшей.

К слову, в подтянутом теле Юли. Это не заметить не удаётся. Как и то, что она изменилась. Сильно.

Другая. Чужая. Незнакомая.

— Ты можешь спокойнее? — Карина говорит шёпотом, а я удивлённо вскидываю брови: — Я слышала всё, что сказал доктор. Мама не могла этого знать.

Глаза старшей на мокром месте, и она действительно вся перепугана. Беру её за плечи, обнимая и прикрываю глаза.

— Это просто застало врасплох, — хриплю, хоть и ни черта вообще не понимаю.

И главное, что пока мой помощник только Карина.

Ясное дело, я не смог бы ждать до вечера. Повезло, что кто-то отказался от билета, и я смог оперативно решить этот вопрос. К тому же тут лететь то ерунда, больше времени тратишь на подготовку и дорогу до аэропорта.

— Сейчас ещё идут исследования, как мы поняли. Пока вообще конкретики нет, точнее, подтверждения... — сбивчиво дочь продолжает говорить, а я благодарно ей киваю.

Двигаюсь ближе к креслам, там, где встретил их, чтобы сесть и ждать. Внутри будто стягивает грудь металлическими скобами, а мозг пытается переваривать поступающую информацию. Понятное дело, что переживаниями едва ли я смогу помочь дочери, однако боль и муки неизвестности со мной с того самого истеричного звонка Карины.

— Ладно, с Юлей мы потом поговорим, когда остынем, — пытаюсь успокоить старшую по поводу матери: — Ты, главное, как? — заглядываю ей в глаза.

Карина пожимает плечами. Я не знаю, что творится в её голове, и разобраться с этим не получается с того самого момента, как она изъявила желание уехать в Питер. Сколько бы не думал, не могу уловить, что поменялось.

— Мама, — она бросает взгляд на Юлю, которая у окна разговаривает по телефону: — Она теперь не такая... И мне кажется, что это из-за нас.

Хмуро вглядываюсь в лицо старшей дочери. Хочу возразить ей, сказать, что всё то, произошедшее с нами — было ожидаемо. Однако сам подвисяю на словах Карины. Разглядываю точёную фигуру в деловом костюме, идеально прямые волосы, что рассыпаются по её спине. Юля заканчивает разговор, резко оборачивается на нас.

Взгляд острый и в то же время равнодушный.

— Карина, я подожду в машине, — коротко информирует и указывает головой на выход.

По мне мажет лишь секундным взглядом, не выражающим ничего, и цокает каблуками в сторону выхода. Я буквально вижу этот занавес из железа между нами. И, впрочем, это вроде бы логично, да? А с другой стороны, мы не должны были становиться чужими...

Однако сейчас мы даже хуже, чем два незнакомца, потому что между нами натуральная пропасть.

— Ладно, иди, — отправляю дочь, определённо задумавшись над собственными мыслями: — Я подожду здесь.

— Пап, смысла нет, — возражает Карина: — Врач отправил домой, нам сообщат, я тебе сразу позвоню.

Мотаю отрицательно головой. Я и так слишком далёк от младшей. Я словно для неё гостевой дядя, мать его. Она никогда не делилась чем-то своим, личным, всегда была вежлива и воспитана. Но я не знаю ничего из того, что определённо знает её мать. И да, это тот исход, на

который мы сами пошли, оформив развод и позволив детям жить так, как они жили. Однако сейчас понимать, что я упустил из вида своего второго ребёнка на пять лет...больно. А ещё и думать, что у неё, сука, есть шанс на жизнь.

Это, чёрт возьми, слишком.

— Я переговорю с доктором и поеду в гостиницу, обещаю. — коротко озвучиваю, и по тону Кариша понимает, что спорить бесполезно: — Будем на связи в любом случае.

Показываю телефон.

— Звони в любой момент, я, судя по всему, задержусь в этом городе...

В следующий момент телефон оживает громкой мелодией на весь коридор и на экране высвечивается лицо Алены.

Прикрываю глаза, совершенно точно не желая сейчас говорить с ней. Карина практически закатывает глаза, но показывает на её фотку.

— Откуда это? — усмехается она с явной издёвкой.

— Не говори мне ничего, — качаю головой.

Перед отъездом были долгие прощания, а якобы для того, чтобы я не скучал, она поставила своё фото на звонок.

— В общем, я жду информации, пока забронирую номер на две недели.

Карина кивает и уже собирается уходить.

— Карин, — окликаю её, немного нахмурившись: — Скинь мне адрес дома на всякий случай, и не говори пока матери...

Сам не знаю, почему хочу сохранить это между нами. Но отчего-то не хочется, чтобы Юля была осведомлена о моих планах.

Глава 13. Юля

Карина устраивается в комнате Дашки, я вижу, что она подавлена, но старается быть тихой и почти незаметной. Внутри меня поднимается настоящий спор. Я могу оставить все, как есть, потому что уже предпринимала много попыток наладить отношения, а с другой стороны сейчас, когда нас настигла общая беда, и я вижу, что старший ребенок не справляется с эмоциями, я ведь могу с ней поговорить, поддержать.

Быть мудрее в конце концов.

Свои же мысли и чувства держу под контролем, мне ужасно страшно, мне хочется просто лечь на пол и закричать... Почему, когда жизнь только более менее наладилась, когда мы с Дашулей обосновались в городе, начали кайфовать, происходит это?

Почему моего любимого и важного человека, мою ягодку так беспощадно наказывают? За что?

Говорят, что дети расплачиваются за грехи родителей... Что же я такого натворила, что она сейчас несет на себе наказание? Или не я? Саша... Мы вместе.

Мы что-то сделали не так.

Завариваю ромашку, чтобы хоть немного успокоиться. Когда у меня были нервные срывы, как только мы переехали в Питер, мой психотерапевт прописала мне Атаракс. Он тогда хорошо помог уговорить разбушевавшуюся тревогу перед новой главой в жизни. Но я знаю, что сильная, что во мне много характера и воли, чтобы справиться без вспомогательных веществ.

Начну хотя бы с ромашки...

— Что ты пьешь, мам? — Карина бесшумно входит на кухню. Челюсть плотно сжата, чувствуется напряжение в теле.

— Ромашку. Хочешь тебе тоже нелю? Помогает снять стресс.

— Нет, — она морщит нос, — Не люблю запах трав. Любых.

Как жаль, что я не знаю то, что любит моя дочь. Вернее я знаю какие-то вещи, но не так, чтобы учитывать нюансы. Ведь за эти пять лет Карина выстроила высокий забор в наших отношениях, не подпускала к себе, не давала мне быть матерью. Но я ею и осталась.

Просто я готова быть рядом, если ей это нужно. А если нет, то навязываться тоже не стану. Слишком дорого мне обходятся эти попытки, потом каждый раз склеивать расколотую душу, невероятно сложно.

— Хотя давай, — вдруг резко прерывает мои размышления, — Меня немного тошнит.

— Болит живот? Желудок? Что случилось? — я тут же начинаю переживать, немного сучусь, подходя ближе.

— Нет, — она машет ладонью, — Так всегда, когда я нервничаю.

— Раньше такого не было, Кариш. Давно у тебя это?

— Мам, — она прикрывает глаза, — Есть много вещей, о которых ты не знаешь, если я начну рассказывать сейчас все, то нам и месяца не хватит, чтобы обсудить.

Режет без ножа, по самому больному.

Я мечтаю знать обо всем, что в твоей жизни, доченька.

— Три года назад мне понравился мальчик, — она берет из моих рук чашку, неожиданно начиная откровенничать. Усаживается на барный стул, на тот самый, где обычно любит сидеть Дашка. Также подгибает под себя ноги, копируя жесты младшей. А может это младшая переняла манеру, — Он поспорил на меня с другом, а я влюбилась. Сказал мне, что я толстая и что таких не любят.

От ее слов у меня все сжимается внутри, становится тесно и неудобно в собственном теле. Мне хочется обнять ее, сделать этот порыв, разрешить себе.

Но я боюсь ее реакции.

— Алена тогда сказала, что толстых и правда не любят. И... В общем я стала много голодать, а потом это все переросло в расстройство пищевого поведения. И тошнота теперь часто меня сопровождает, усиливаясь при стрессе.

Я в шоке смотрю на дочь, почти не моргая. Тело цепенеет, а потом внутри что-то щелкает, и по телу разрастается огромная непередаваемая сила. Я злюсь до такой степени, что мне кажется, я могу даже ударить.

Похожее чувство однажды уже было... Тогда. Пять лет назад.

Когда эта сука разворошила всю мою жизнь, оставив лишь пепел. А теперь я узнаю, что она тактично измывалась над моей дочерью, делая вид, что заботится?

— Мам, ты чего? — Каринно обеспокоенно смотрит на меня, а я сама не замечаю, как сильно сжимаю в руках фарфор. От давления моих ладоней он просто ломается, осколки вонзаются со всей силы в мягкие ладони.

— Кровь, — Карина подскакивает, хватая с крючка ватное полотенце, тут же прикладывая его к моим рукам, — Я не должна была тебе это рассказывать. Не нужно было...

— Нет, — мотаю головой из стороны в сторону, — Нужно было, Кариш. Обязательно нужно. Любят любых, дело же совсем не во внешности. Разных любят... Да и не было у тебя никогда проблем с лишними килограммами. У тебя женственная округлая фигура, невероятно красивые бедра, миловидное лицо, тонкая талия. Ты у меня красавица.

— Ты правда так думаешь, мам? Потому что Алёна...

— Мне плевать, что говорит Алёна. Я знаю, что у меня красивые дети. И я так думаю, не потому что ваша мать, а потому что у меня есть глаза на лице.

Мы обе замолкаем. Сейчас между нами какой-то новый уровень, совершенно незнакомый. Мы словно позволили себе чуть больше, чем планировали. Открыли что-то потаенное, что прятали очень глубоко.

— Мам, Даша обязательно поправится. Она у нас такая, боевая. Хоть и внешне аленький цветочек, внутри у нее есть характер. Она в тебя.

Дочь опускает свои руки от моих, смотрит с сожалением. Я вижу ее мимолетный порыв, она словно хочет обнять, но не делает этого.

— Тебе помочь обработать раны?

— Не нужно, — машу головой, — Я сама. Спасибо.

— Окей, тогда пойду отдыхать. Спасибо за ромашку.

Она забирает кружку со стола и уходит. А я остаюсь с кровью на ладонях, осколками у ног и новыми мыслями в голове, над которыми я буду еще размышлять не одну ночь.

Глава 14. Юля

Нас вызывают уже на следующий день, точнее, врач звонит, когда мы и так с Кариной едем в сторону больницы.

— Позвони отцу, сообщи, — прошу я ее, обсудив с врачом встречу.

Он ждёт нас без очереди, и сообщил самое важное, что я тут же протараторила Карине, Дашу наконец перевели из реанимации. Все остальное доктор оставил не для телефонной беседы.

— Да, я написала сообщение, он уже едет.

Оперативно.

Хотя, чему удивляться, это в Москве мы бы добирались несколько часов. Здесь достаточно двух по пробкам. А без них и вовсе за сорок минут-час доедешь.

— Даше пока не нужно говорить про... — начинаю я, но Карина перебивает.

— Мам, сама скажешь. — она бурчит, отворачиваясь в окно: — Я не смогу.

В, казалось бы, всегда бойкой девочке, а теперь уже и девушке, проявляется слабость, и она недовольна. А мне хочется сказать, что это абсолютно не стыдно, и совершенно не портит ее. Но полагаю, до подобных разговоров, даже после вчерашнего мы еще пока не дошли.

Надо все степенно, чтобы не было перегруза и ощущения давления. Иначе все рассыплется как картонный домик.

— Да, хорошо, — киваю ей, глядя в зеркало заднего вида.

Сама же пытаюсь собраться с тем, что вскоре увижу Озерова. Опять. И не сказать, что желаю этого. Но, с другой стороны, если мыслить разумно, то он здесь необходим, как и для Даши, так и для Карины.

Даша почувствует себя нужной отцу, то, чего ей не хватало, даже если она этого не говорила вслух. Карине же будет проще адаптироваться ко мне, если рядом будет тот самый любимый родитель.

А мне... Я выдержу это, потому что все кардинально изменилось.

К тому же моя злость еще не сошла на нет. И если этот человек упрекал меня за гребаную пиццу, то свою идиотку невесту не смог заткнуть?!

Какая-то дискриминация, черт возьми!

И да, я не намерена ругаться, но довести ребенка до проблем с пищеварением, которые теперь останутся с ней, пока психологически не вытянешь ее с этого состояния, это конечно, они молодцы.

Снова завожусь и с силой сжимаю руль. Пытаюсь успокоить нервы, как учил мой психотерапевт, однако, не так-то просто взять и смириться с тем, что тебя пять лет назад поливали откровенным дерьмом, смешивали с грязью и всячески принижали... а тут вскрывается такое.

Даже если бы я до конца пережила всю эту драму спустя десять лет, то среагировала бы также.

Мне плевать на их отношение ко мне. Уже плевать на то, почему и в какой момент мы исчезли из поля зрения друг друга будучи еще в браке. Более того, все равно на их планы, пусть хоть тройней беременеют, но, черт, мой ребенок страдает. А я не могу помочь, потому что мы сами довели все это до патовой ситуации.

Наконец, въезжаю на парковку больницы, полностью потерявшись в мыслях.

— Давай уточним у врача, если к ней можно, то ты сразу можешь в палату идти, — озвучиваю Карине, вылезая из машины.

— Я с тобой пойду, — твердо отвечает она: — Хочу до конца понять то это или нет, — поджимает губы, а я киваю.

Входим в здание, быстрым шагом поднимаемся по лестницам, а волнение с новой силой разрастается в груди, подобно грибку.

Конечно, не так, как вчера. Вчера была ад. Но и сегодня это чистилище.

Каждый родитель на моем месте, думаю понял бы меня.

— Добрый день, — стучусь я в кабинет и заглядываю.

У врача стоят видимо коллеги, и он тут же машет нам с Кариной проходить. Они быстро заканчивают разговор, а меня уже это настораживает. Карина бесконтрольно хватается за руку, и я вижу, как она напряжена. Обхватываю пальцами ее ладонь и мы обе выжидательно стоим.

— Присаживайтесь, — просит врач, а его тон у меня вызывает тахикардию: — Дарье лучше, — начинает он, поочередно глядя на нас, на что мы со старшей переглядываемся с легкими улыбками: — Но анализы подтвердили ту реакцию, о которой я вчера вам рассказывал. Направление в тот центр дать я не смогу, потому от меня вы получите только рекомендацию на одного из докторов.

Киваю головой.

Я пол ночи вчера искала информацию об этой чертовой реакции. И понятно одно, что это редкое, но главное, излечимое заболевание. Однако, тут нужны очень хорошие специалисты, лучшие иммунологи, о которых я практически ничего не знаю.

— Даша еще полежит у нас, пока мы не закроем свой план лечения, но я бы рекомендовал вам уже подыскивать место, — снова киваю, а Карина тем временем с силой сжимает мои пальцы: — Сейчас вы можете зайти к ней, о часах посещения и возможных вещах, продуктах расскажет медсестра.

— Спасибо, — судорожно благодарю доктора, поднимаясь со стула, он же поджав губы машет головой.

— Супругу скажите, что его мысль о том, чтобы показаться специалистам во все три московских больницы — дельная.

Зависаю на словах врачах, но не отрицаю и не задаю вопросов. Лишь нервно улыбаюсь поджав губы.

Выходим из кабинета, чтобы направиться в палату к дочери, однако буквально натыкаемся на Озерова, который в этот момент говорит по телефону.

— Я тебе перезвоню, — чеканит он тут же в трубку, останавливаясь прямо напротив меня.

В коридоре у кабинета стоит гробовая тишина, и в этой тишине раздается противное «целую».

Глава 15. Юля

— Я пойду к мелкой, — Карина, словно чувствуя витающее в воздухе напряжение, протискивается между нами и убегает в сторону палаты.

Я выпрямляюсь, не спуская взгляда с его лица. Он тоже внимательно смотрит. И между нами происходит самая настоящая схватка взглядами.

Много мы не сказали тогда друг другу, а сейчас все это уже не имеет никакого смысла. Не хочется окунать себя в то состояние, когда тебе невыносимо больно, и ты не знаешь, что с этим делать, кроме как кричать в подушку и плакать, оставляя на сатине мокрые разводы.

— Предлагаю Дашу перевозить в Москву, — он первым нарушает тишину.

Его предложение настолько логично, что я даже не могу возразить, сказать ему нет. Потому что на кону — здоровье моего ребенка.

Но вернуться в Москву, значит дать себе возможность вспомнить все то, что было пять лет назад. Я знаю, что эта сука найдет любую возможность замаячить на горизонте, показать, что ее место рядом с Сашей, а я так... Просто мать наших с ним детей.

Она точно захочет тыкнуть меня побольнее, потому что именно она тогда пять лет назад затеяло одной ей понятную игру за моего мужа, в которой безусловно победила.

Победила не потому что, я сдалась. А потому что в мои принципы не входит борьба за мужчину. Он же не трофей и не переходящий из рук в руки приз.

Он живой человек и он сделал свой выбор. Это не была чья-то победа. Это было его решение.

— Хорошо. Мне нужно будет взять отпуск на работе и подыскать нам с Дашей жилье на время обследования и до ее определения в больницу. Если у тебя есть возможность ускорить этот процесс, я буду благодарна.

Сейчас мне нет смысла сквозь зубы с ним общаться, нам нужно сообща найти решение и помочь ребенку. Это все, что меня волнует. И если ради ее здоровья мне нужно будет на время умирить свой пыл, то я это сделаю.

Но важная пометка, что на время. Унижать себя не дам. Ни ему, ни его пассии. Пусть даже не рассчитывают.

— Ты можешь жить в моей пустующей квартире в Хамовниках.

— Ого, — не скрывая удивления, — А у тебя дела в гору идут. Квартира в Хамовниках — это сильно, Озеров.

— Я купил ее для Карины и Даши. Чтобы у них всегда было свое гнездо, поэтому ты всегда можешь оставаться в квартире наших детей.

— Окей, — и тут я не спорю. Для чего сейчас устраивать цирк и делать вид, что я не нуждаюсь в помощи?

Искать квартиру, бегать как шальная по Москве — это точно не то, к чему я готова. Мне бы с мыслями собраться, что предстоит борьба за здоровье ребенка.

А гордость не сожмется, если я немного потерплю.

— Я должен буду уехать в Москву сегодня вечером, но к выписке Даши вернусь и помогу с переездом.

— Ну естественнo, — я саркастически хмыкаю, что не скрывается от его взгляда.

Думаю на этом можно пока-что поставить паузу в нашем разговоре. Я безумно хочу увидеть дочь. Обнять ее и сказать, что все будет хорошо. Потому что я знаю, как малышке сейчас страшно.

Но Озеров не считает, что нам стоит остановиться в диалоге. Он снова напирает, будто еще минуту назад не был вежлив со мной.

— Что за ухмылочка, Юль? Хочешь что-то сказать? У меня работа.

— Саш, мне все равно. Надо ехать, пожалуйста, занимайся своими делами.

— Нет, подожди, — он растягивает слова словно нарочно, чтобы выбесить меня и потянуть время, — Я же вижу твое недовольство. Скажи мне, блядь, что я не так сделал?

— Ну, Озеров, не все же мне быть виноватой во всех смертных грехах, — приподнимаю бровь, слегка провоцируя.

Ругаю себя за это. Нельзя давать никаких реакций. Но мне так хочется хоть немного ему той боли, в которую он окунал меня все это время.

— Ты ведешь себя, как сука.

Он почему-то думает, что может касаться меня. Поэтому его сильные руки сжимаются на моих плечах, и я даже начинаю переживать, что там останутся следы его пальцев.

— Убрал руки. Живо. Трогай свою женщину, а меня не смей. Не имеешь право.

— Ох как мы заговорили... Так дело в Алене, боже. Юлька, ты что ревнуешь?

Кусок идиота. Резко дергаюсь, чтобы вырваться из его оков.

— Слишком много внимания к твоей скромной персоне, Саш. Ты и твоя личная жизнь — последнее, что меня интересует. Просто Дашку жалко, ей сейчас нужны оба родителя. Но раз работа не подождет, то окей. Я скажу ей, что у тебя срочное. Надеюсь, ты хоть зайдешь в палату? Или сразу в аэропорт?

Наверно я это точно зря... Потому что его лицо багровеет. И я словно окунаюсь в события пятилетней давности, где между нами не было нормального диалога.

Только все-таки разница между тогда и сейчас есть. Она во мне. Мне этот диалог больше не нужен.

Дорогие наши и любимые, приглашаем вас в нашу новинку с Селин)

Снова про бывших... И снова очень эмоционально, остро и местами горячо!

Когда близкие люди теряют способность понимать друг друга — это словно рана, которая не заживает. А в самые тяжелые, отчаянные моменты, когда оба так нуждаются в поддержке, но вместо этого остаются наедине с болью — это настоящая катастрофа, которая разрушает сердце и душу.

Бывший муж. Мы не закончили

<https://litnet.com/shrt/9wmw>

(ссылка кликабельная)

Аннотация

Четыре года назад в один миг моя жизнь полностью разрушилась: я пережила выкидыш, после раскрылась измена мужа, что привело к болезненному и тяжелому разводу.

Я собрала себя по кусочкам, встала на ноги, отряхнулась и продолжила жить, навсегда закрыв прошлое.

Но оно вновь вторгается в мое настоящее, напоминая о той адской боли. Только теперь я уже не та, что будет терпеть. Мне есть что сказать.

— Хорошо выглядишь, Василиса. Мне тут пташки напели, что ты вопросом усыновления занялась...

— Не твое дело! Мы больше не связаны друг с другом.

— А я так не считаю, Василек... То, что я тогда не хотел ребенка, не говорит, что я не хочу его сейчас.

Читать здесь <https://litnet.com/shrt/9wUw>

Глава 16. Юля

На удивление Озеров сдерживает порыв и, несмотря на то, что его буквально трясет, он бросает лишь одну фразу.

— Я бы не уехал, не увидев ребенка, и ты сама это прекрасно знаешь.

Он проходит мимо меня, и я смотрю в напряженную спину своего бывшего мужа. Есть доля правды в его словах, но это мы еще не касались разговора о Карине и ее воспитании дамой сердца их отца.

Выдуваю воздух сквозь зубы и иду вслед за ним. Когда уже оказываюсь у палаты, вижу, что он, прислонившись к косяку, наблюдает в проеме.

Не хочу подходить ближе, но там ведь моя дочь. А точнее они обе.

— В чем...

Озеров оборачивается, показывая мне тихо, и я все таки двигаюсь ближе к нему.

Заглядываю в проем, а там наши девчонки улеглись на койке, накрывшись одеялом с головой, и о чем-то шепчутся и хихикают.

В этот момент с души будто груз спадает и, поддавшись эмоциям, я выдыхаю, позволяя себе одинокую слезу. Это не облегчение, нет, потому что впереди долгий и сложный путь, но это хотя бы уверенность в том, что она сейчас в порядке.

— Юль, — слышу хриплый шепот, и только в этот момент замечаю острый взгляд Саши.

Он стоит слишком близко, и мне хочется отшатнуться, но я по-прежнему стою и слушаю, как девчонки там что-то обсуждают.

— Ты ведь знаешь, что мы найдем лучших спецов, — уверенно заявляет он, не сводя взгляда.

Сейчас мне все равно, что мы никто друг другу, и что грязь, которую мы после себя оставили, вновь хочет всплыть наружу, хотя казалось, что я все отмыла. Сейчас мне важен лишь наш ребенок.

Киваю ему, утирая кончиками пальцев слезы.

— Не бросай ее, ты ей нужен, — вырывается из меня, а он всем корпусом разворачивается ко мне и вглядывается своим пронизывающим взглядом.

Он на секунду хмурится, а потом опускает глаза в пол. Молчит, не говоря ни слова, но есть что-то в этом движении. Хотя и мне должно быть все равно, чем он наполняет свои действия и слова.

Мы чужие люди друг другу. Единственных два человека, для которых мы не чужие, сейчас наконец выныривают из-под одеяла и замечают нас.

— Малышка, — тут же увидев Дашу, я бросаюсь в палату.

Она всхлипывает и уже тянет руки. Обнимаю ее, прижимая к себе, хаотично оставляя поцелуи.

— Боже, я так испугалась! — шепчу ей, поглаживая волосы.

— Ма, все нормально, — прижимается она ко мне: — Карина быстро сориентировалась.

Киваю, обхватывая ее лицо ладонями, и рассматриваю бледную кожу с синяками под глазами.

— Девочка моя, как ты? Как чувствуешь себя? — пытаюсь рассмотреть ее руки и вообще всю ее.

Но она вдруг зависает на входе в палату.

— Пап? — удивленно шепчет с едва заметной улыбкой.

— Привет, принцесса, — улыбается Саша, и я слышу теплоту в его голосе.

Как бы мне не хотелось его ненавидеть, отец он неплохой, несмотря ни на что.

Мы, каждый, делаем так, как умеем. Единого учебника, как быть мамой и папой, к сожалению или счастьем, нет.

— Напугала нас всех, — он подходит ближе, а Даша вся рдеет.

Он обнимает ее, пока я немного двигаюсь в сторону, давая им эту паузу друг на друга.

— Прости, — шепчет ему Дашуля в ответ.

Вижу, как Саша сжимает ее в объятиях, и вероятно только в этот момент осознаю, насколько ему было тревожно и сложно. Да, конечно, он мужчина, и женщины привыкли видеть в них сильное плечо. Но в эту секунду, замечая, как его пальцы поглаживают спину ребенка, как он утыкается ей в плечо, и как его всегда прямая и гордая осанка немного горбится, я вдруг отчетливо ловлю себя на мысли, что он переживал не меньше нашего, просто прятал это за маской своей извечной собранности.

Эта мысль становится натуральным открытием. Но я приказываю себе не заикливаться и больше не думать об этом.

— Я в порядке, пап. И мам, — отрывается Даша от отца с улыбкой: — И я очень рада вам всем, — улыбается Карине: — Только вот вы вкусного ничего не принесли? — морщит свой носик в поисках сладостей.

Однако, у нас в машине лежат лишь только фрукты и вещи первой необходимости.

— А тебе можно? — тут же встревает Карина.

Даша деланно удивляется и тут же фырчит, мол, а почему нет. Что-то в этом я замечаю нечистое, и тут же шую взгляд.

— Врач разве не сажал тебя на диету?

Глаза нашей дочери закатываются, и я понимаю, что попала в точку.

— У нас фрукты в машине, я схожу за ними.

— Мам, не парься. — Карина вскакивает с койки: — Я сбегаяю.

Тянет руку за ключами, и я ей вручаю их с благодарностью.

— Пап, а ты останешься? — тут же летит вопрос от младшего ребенка и я мгновенно сжимаю челюсти.

Озеров несколько секунд молчит. Затем, я вижу как переводит взгляд на притихшую Карину, а после и на меня.

И только после этой секундной паузы звучит его ответ.

Глава 17. Саша

Не понимаю, почему после пяти лет разлуки, да и вообще нашего общего с ней молчания, я теперь смотрю на бывшую жену под другим углом.

Она когда-то была всем моим миром, еще до рождения детей. Я увидел ее и влюбился. Это случилось за секунду, сам не поверил, потому что все эти бредни про любовь с первого взгляда казались мне чем-то детским и несерьезным.

Ну как можно полюбить человека, если ты не знаешь его? А вдруг она котят по ночам топтит, вся такая красивая и нежная...

Но котят Юлька, конечно же, не топила. И все мои мысли о ней оказались правдой.

Я просто сначала приходил и смотрел, а она сторонилась. Говорила, что боится меня, потому что я молчал, налюбоваться не мог ей и сказать лишнего слова боялся. А вдруг что-то сделаю не так и потеряю ее, так и не узнав, каково это быть рядом, касаться бархатной кожи и целовать. Очень много целовать.

Я никогда не был сильно социальным человеком, друзей много не имел. Был лучший друг и пару товарищей, в остальном я много учился и сидел над учебниками, потому что отец с детства меня учил тому, что нужно будет самостоятельно пробиваться, выгрызть себе место под солнцем.

Я выгрызал. Но когда появилась Юля, мотивации стало в три, а то и в четыре раза больше. Я просто смотрел и понимал, что для нее хочу сделать все.

Когда Юлька дала мне шанс, башню сорвало. Оказалось, что я еще тот ревнивец, что я собственник, что мне важно было, чтобы она всегда была рядом. И если была бы возможность, то я запер бы ее в золотой клетке.

Но знал, что если не дам ей свободу, то она упорхнет. Навсегда уйдет.

Потом у нас появилась Карина, и Юлька ушла с работы. Денег я стал зарабатывать неприлично много и радовался тому, что Юля полностью погрузилась в материнство.

Потом Дашка родилась...

И все сломалось пять лет назад. Мы не слышали друг друга, вернее мы даже не захотели слушать друг друга. Разошлись. И я себе сказал, что раз ей не нужен, то пусть катится ко всем чертям. Хотя было чертовски больно ее отпускать и терять.

Боли своей ей не показал. Не оценила бы.

А сейчас смотрю на нее, всю такую деловую, красивую еще больше, статную... Блядь. Уверенную в себе. Ту, которой я вообще не нужен. Я стал ее прошлым. Таким прошлым, в которое не возвращается.

И меня кроет. Потому что раны оказывается за пять лет нихуя не затянулись, снова кровоточат, еще и пуше прежнего.

— Я останусь, — улыбаюсь дочке, поглаживая ее руку.

Юля сначала хмурится, услышав мой ответ, потом удивленно взмахивает ресницами вверх.

Нашли взгляды пересекаются, и я не могу понять, чем именно она сейчас недовольна. Сама же просила остаться...

Или не просила? А я просто сам придумал, что ей нужна моя помощь.

— Ура, пап, я рада, что ты наконец приехал в Питер. Тут классно. Как только меня выпишут, обещаю, чтобы мы пойдем гулять. Я хочу показать тебе все свои любимые места.

— Конечно, доченька, — мягко улыбаюсь, зная прекрасно, что в ближайшее время мы не погуляем, — Но мы с мамой хотели бы тебе кое-что сказать.

Юля напрягается, это заметно по тому, как она ровно держит спину, как ее плечи слегка подрагивают, да и взгляд будто отрешен.

— Что случилось? — дочь словно чувствует нас.

— Ничего страшного, ягодка, — Юля прижимает ее макушку к своей груди, оставляя множество поцелуев на Дашкином лбу, — Просто нам нужно будет чуть-чуть подлечиться. Врач нам сказал, есть хорошая больница в Москве, поэтому на время нам нужно будет туда переехать.

— Что?

Мы не сразу замечаем Карину в дверном проеме, она ошарашенно застывает, пакет с яблоками падает к ногам, и зеленый крупный плод катится по полу.

— Что тебя удивляет?

Карина машет рукой, присаживаясь на корточки, начинает собирать закатившиеся яблоки.

— Ничего... Просто. А где они будут жить?

Юля покашливает в кулак, пытаясь разрядить обстановку. А я начинаю закипать, чувствуя, что вопрос принадлежит не Карине, а другой женщине.

Женщине, с которой я планировал расстаться.

Правда никому еще об этом не сказал. Как и обычно, никому ничего не говорю, принимая решения самостоятельно.

— Мам, со мной что-то не так, да?

Даша испуганно расширяет глазки, а ее грудная клетка начинает ходить ходуном.

Глава 18. Юля

Мы с секунду мечемся взглядами между дочерьми, а потом Озеров делает то, чего я не жду, но откровенно хочу, чтобы он сделал.

Он кивает в сторону Карины и идет разбираться с ее словами и мыслями, а я остаюсь с Дашей.

Может быть можно было бы наоборот, чтобы в обоих вариантах сблизиться. Но в вопросе старшей дочери... Там оказалось столько всего, что я не готова сейчас. Не в такой момент, когда моя младшая со страхом в глазах ищет ответы на моем лице.

— Спасибо, — шепчу я Озерову одними губами.

Он кивает, хмуря свой лоб еще больше и я, наконец, переключаюсь на Дашу.

— Дашуль, — улыбаюсь, глядя на нее: — Ничего серьезного, с тобой все в порядке. Просто твой организм дал такую реакцию на вакцину, — по сути, я ей не лгу, и откровенно, не собираюсь: — Это связано с твоим иммунитетом, его надо поднять, а здесь специалисты не столь высокого уровня, как есть в нескольких больницах Москвы...

Она внимательно слушает, кивает и явно взвешивает мои слова. Вижу, как посылает взгляд в дверной проем.

— И Карина не хочет, чтобы мы жили с ними... — говорит она с горькой улыбкой.

Смеюсь на ее слова, прижимая ближе к себе.

— Конфет, ну я бы и сама не стала жить в этой шведской семье, — озвучиваю, добавляя шутилых ноток, и Дашка тихонько посмеивается: — Мы поселимся в квартире, которую отец купил для вас с Кариной.

Даша резко отрывается от меня, округлив глаза.

— Для нас?! Вау! — восторженно заявляет она, а я киваю, скрывая, что, если честно, не хотела бы ее жизни в Москве.

И да, это эгоистично. Но как есть.

— Мам, а ты думала когда-нибудь туда вернуться? — звучит вопрос, на который ответ есть, и он крайне категоричный.

Мне нравится моя жизнь здесь. Нравлюсь я той, кем сейчас являюсь. Москва — это как будто откат назад, по крайней мере, мозг еще так воспринимает. Отнюдь не как силу вернуться туда, где тебе было больно. А как слабость, и конвертировать эти ощущения и мысли у меня пока не получается.

— Нет, — качаю я головой Даше: — Я бы не хотела возвращаться...

— О, пап! — вдруг восклицает Даша, а я резко оборачиваюсь.

Озеров стоит, глядя на меня, и я не могу понять, что с ним. Хмурый, руки в карманах брюк, и как будто немного растерянный.

— Карина сейчас подойдет. Я в кофейню неподалеку, вам нужно что-нибудь? — прокашливается он.

— Да, — Даша мгновенно реагирует: — Я голодная, как волк. Тут с графиком питания явно проблемки, — причитает она, а в это время ее желудок охотно подтверждает это звуками. Озеров кивает с неестественной улыбкой. И почему я до сих пор их различаю...

А затем переводит глаза на меня.

— Юля?

Я хотела отказаться, но почему-то говорю совсем иное.

— Я бы не отказалась от кофе, спасибо.

— Латте с соленой карамелью? — задаёт он вопрос, который как морозным ветром обдает мое лицо.

Помнит?

Смотрю на него, а ведь он даже не понял, что спросил, ждёт ответ, переводя глаза с Даши на меня.

— Нет, возьми американо, — прошу я глухо, и Саша поджимает губы, резко разворачивается и выходит.

Выдыхаю воздух, отвернувшись от дочери. Казалось бы, что такого.

Но этот момент, он вдруг заставил внутри что-то содрогнуться.

— Мам, все окей? — спрашивает Даша, а я ей судорожно киваю.

Только вот в глазах дочери такое понимание, что мне и самой становится неловко. Она ничего не говорит, но почему-то тот факт, что он называл некогда мой любимый напиток, обескураживает.

Мелочь жизни, вообще неважная информация для такого мужчины, как Озеров. И да, это ведь ничего не значит, просто запомнил, как приносил мне кофе и как заказывал его...

— Я наверное была резка, — с такими словами входит в палату Карина.

Оборачиваюсь на дочь.

— Нет. Ты сказала, то, что подумала, — отвечаю ей: — Твое право.

Она кивает, но в глазах я вижу ее скепсис.

— Мам, — выдыхает она: — Не то, чтобы я была против, — теребит пальцы рук в попытке объясниться.

С одной стороны мне хочется сказать, что не нужно оправдываться, а с другой я очень хочу послушать.

— Просто, в прошлый раз это закончилось плохо...

Тихо она добавляет, а я подхожу ближе, ища ее взгляд.

— Карин, — аккуратно приподнимаю ее подбородок, чтобы посмотрела на меня: — Мы уже не муж и жена, чтобы предъявлять претензии, как минимум. А как максимум, я верю в то, что каждый из нас за это время многому научился и приобрел житейской мудрости, чтобы не вести себя так, как раньше.

Карина кусает щеку изнутри и кивает, опуская взгляд.

— Алена, она просто...

— Дочь, единственное, — резко перебиваю показывая пальцем: — Мне не очень хочется слышать об этой женщине...

Глава 19. Юля

Даше лучше. Не так, чтобы вновь видеть улыбку на ее лице, но она хотя бы старается. Время, проведенное в больнице, дало мне какую-то моральную отсрочку перед поездкой в Москву.

Я ведь могу и не видаться с этой женщиной, но отчего-то мне кажется, что она сама даст о себе знать. Дело времени.

Больше всего меня удивил тот факт, что Озеров действительно отменил все дела и планы, остался в Питере и помогал. Мы приходили к Дашке по очереди, развлекали ее и старались быть просто мамой и папой, в которых она так нуждается.

С Кариной по душам больше поговорить не удалось. Она вновь закрылась в себе, что абсолютно свойственно ей. А два дня назад под каким-то странным предлогом уехала раньше нас в Москву.

— Я взял нам билеты в бизнесе, Дашке удобнее будет сидеть, пускай и полтора часа.

Мы заходим в Пулково, Саша услужливо катит оба больших чемодана, а я взяла в руки его небольшой.

На секунду возвращаюсь мыслями в ту жизнь, когда у нас были совместные поездки. Я вообще могла ни о чем не думать и отдыхать сразу при выезде из дома. Потому что муж, тогда еще муж, контролировал все сам. А мы, как самые настоящие девочки, отдыхали.

И сейчас он себя ведет также. Берет ситуацию полностью под свой контроль. За что, конечно же, я благодарна.

Какие бы обиды не были в душе, какая бы боль когда-то там не сидела. Он во многом сейчас мне помогает, пока я решаю не только вопрос с ребенком, но и вопросы по работе.

Меня отпустили в Москву, скрепя сердцем. И только благодаря тому, что ситуация критическая. И я на хорошем счету у руководства. В остальном, это блажь.

Меня можно заменить, так как сроки горят. Скоро открывать филиал в Москве. Но обещали подождать... И я вышла из офиса со слезами на глазах. Со слезами благодарности.

Не каждый работодатель на такое способен.

Коллеги тоже поддержали, собрали в конверте сумму денег на лечение Дашки. Они ведь даже не предполагают, кто мой бывший муж и какими суммами он обладает, переживали, что мне не хватит на лекарства, на передвижения, на квартиру.

Обо всем позаботились.

И это растрогало меня до глубины души.

— Я хочу ветчину и сыр, — Дашка падает на кресло в зале ожидания у нашего гейта, — И воды. Без газа. Холодную.

Прикладываю ладонь к ее лбу, ощущая, что у нее жар поднимается. Тут же взволнованно кидаю взгляд на Сашу, и он сразу все понимает.

— Я куплю, дочь.

Уходит. А я присаживаюсь рядом с дочерью, укладывая ее голову на своем плече. Поглаживаю ее макушку, целую. Внутри буря, если бы можно было забрать всю ее боль себе, я бы это сделала непременно. Но почему-то так не получается... И страшно, что ей может стать хуже, а я не смогу помочь.

Саша возвращается быстро, приносит упаковку ветчины и сыра. Воду, как просил ребенок. Благо аппетит у нее хороший, и говорят, что если у ребенка есть аппетит, то он обязательно пойдет на поправку.

Я верю в это.

Пока не началась посадка, чувствую, что чувства накатывают. Саша с Дашей о чем-то болтают, она даже смеется. А меня кроет.

Такие вещи не происходят просто так, говорят, что нужно контролировать свои эмоции, но не всегда получается.

Я сбегая в уборную, где разрешаю себе выплакаться. Только там, сидя на крышке унитаза, осознаю, как же мне страшно на самом деле.

Страшно возвращаться в Москву, страшно идти по врачам, страшно, что не смогу все держать под контролем.

За пять лет я научилась, что можно решить любой вопрос. Но жизнь, по всем ее канонам, показывает обратную сторону медали.

Вдоволь наплакавшись, я выхожу из уборной, подтирая тушь салфеткой. Сама не понимаю, как оказываюсь вжата в стальное тело.

— Юля...

Нужно отойти. Сделать шаг назад. Это неправильно.

Но я тоже девочка, которая иногда может дать слабину.

Его руки начинаю поглаживать мою спину вдоль лопаток. Я дергаюсь от прикосновения, словно кожу, даже через ткань, обжигает.

— Не нужно.

— Нужно, Юль. Если тебе плохо, скажи мне. Я помогу.

Господи... Как ты поможешь? Ты не смог этого сделать тогда, пять лет назад. Когда я тебе прямым текстом кричала, как мне плохо, что я умираю внутри нашего брака.

Теперь уж ты точно не помощник в таких щепетильных делах...

Я отстраняюсь, выходя словно из морока.

— Саш, пожалуйста, держи дистанцию. Ты нужен Даше, но не мне.

Глава 20. Юля

Смотрю на него твердо, а место между лопаток все еще будто чувствует его руку.

— А что если... — он не торопится уходить, но и договаривать тоже.

Глаза мужчины смотрят испепеляюще, но без той агрессии, какую я напоследок так ярко запомнила.

— Я тебя понял, неважно, — спустя паузу он отмахивается и все же озвучивает: — Больше не повторится, извини...

Он резко разворачивается, а я остаюсь в каком-то сумбуре. Даже стеклянная матовая стена, в которой я вижу свое смазанное отражение, транслирует собственное замешательство.

Вновь веду глазами на его фигуру, лавирующую между другими пассажирами, и даже не хочу понимать, что это было.

Но услышать «извини» из уст Озерова — это что-то запредельное. Я даже и не помню, когда вообще в последний раз видела эту искренность и слышала подобное.

Отгоняю непрощенные мысли и тоже возвращаюсь к нашим местам. Когда дохожу до места, вижу, что Даша лежит на коленях Саши, а сам он, подперев подбородок, смотрит в панорамные окна аэропорта с задумчивым видом.

Отчего-то эта картинка одновременно веет и теплом, и тоской, но мне совсем не хочется нарушать это мгновение. Только Озеров словно чувствует и оборачивается на меня. В его уверенном взгляде сейчас будто груз всего мира, и он даже не пытается скрыть. Осматривает меня, задерживается на лице, потом ведет по фигуре, а потом замечаю, как он слегка усмехается. Но в этой усмешке нет того его нахальства.

В ней что-то иное.

— Она уснула, — наконец, он шепчет, поглаживая Дашу по волосам.

Эта нежность по отношению к ребенку... я и забыла как отратно видеть эти отцовские проявления. Карина вдоволь их чувствовала, а Даша всегда была лишена, хотя ей, по существу, требовалась бОльшая доза нежности и заботы.

— Надеюсь, это потому что во сне она восстановится быстрее, — шепчу я, садясь рядом с ними.

— Все будет хорошо, Юля. — уверенно отвечает Озеров: — Не нагнетай сама себе.

Киваю, потому что спорить бесполезно и кичиться тем, что я стала другая... Когда вопрос касается детей, плевать какой ты. Ты переживаешь вне зависимости от возраста, характера, силы воли и закалки.

— Спасибо. — вероятно впервые за долгое время, здесь в Петербурге между нами диалог на протяжении столь долгого времени.

Признаться, от этого еще страшнее возвращаться туда, где было адски больно, непонятно и тяжело.

Звучит объявление о посадке на наш рейс, и Саша аккуратно берет Дашу на руки, пока я суечусь рядом с вещами.

— Оставь, я сейчас позову сотрудников, — тут же командует Озеров.

— Я могу... — хочу ему возразить, что докачу все чемоданы, но он уже идет к стойке, чтобы кивком головы указать на меня.

Едва уловимая улыбка тянется на губах, потому что такое уже было однажды. Когда еще у нас не было детей, а Саша всегда был при деньгах и связях. Он не требовал тотального вылизывания его пятой точки от всех сотрудников и сервисов, с кем имел дело. Однако, властные нотки, да и поведение, в целом, было заложено в нем на генетическом уровне. Мы тогда летели отдыхать, кажется, это была или Доминикана или Мальдивы.

И он демонстрировал мне все прелести нашего немного привилегированного положения.

Через секунду около меня оказывается телега, на которую услужливый персонал складывает наши чемоданы. Благодарю их и иду вслед за Сашей. Когда оказываюсь в салоне, то вижу, что он уже удобно устроил Дашу на сиденье. Она уже не спит, но все равно вялая, и видимо пытается дремать.

— Садись рядом с ней, — командует он, а сам уже двигается по проходу куда-то.

— А твое место не рядом? — спрашиваю я на автопилоте, наблюдая за тем, как он отдалается.

Он ведь ничего не говорил про разные места. Озеров оборачивается, и невзирая на остальных людей, приподнимает уголок губ.

— Рядом. — на секунду замолкает, пронзая своим нечитаемым взглядом: — Правда, не настолько, насколько этого бы хотелось, — отвечает он, заставляя меня от шока даже выронить сумочку.

Мужчина продолжает свое движение куда-то ближе к задней части самолета, а я резко сажусь в кресло, чтобы скрыться. Полностью диссонансное состояние, потому как разум и орган в груди работают врозь впервые за пять лет. И нет, сердце не трепещет, как раньше. Оно просто-напросто сбито с толку.

Судорожно поднимаю свою вещь с пола и перевариваю слова, которые не должны значить ровным счетом ничего.

Зачем он это делает?

Он не одинок, и у каждого из нас своя жизнь... Пара месяцев лечения дочери не изменят и пятилетнюю остановку, и сам факт нашей абсолютно развалившейся совместной жизни.

У нас просто не вышло, и он ведь это осознает?

Глава 21. Юля

Квартира просторная и приятная. В ремонте нет ничего лишнего, максимально функционально, местами минималистично в плане выбранных цветов и мебели.

Расположение прекрасное, вид из окна на огромный зеленый парк, который обустроен прямо по всем человеческим порядкам. Как говорится, все для людей.

Есть парковая зона, множество кофеен, магазинов, главное, что в пешей доступности, что разумеется, сейчас очень на руку. Не думаю, что у нас с Дашей будет много времени в перерывах между отдыхом и больницей.

Врач четко дал понять, что лечение будет усердным, долгим, но продуктивным. Обычно, врачи не дают прогнозы, их можно понять, брать такого рода ответственность на свои плечи — невозможно.

Нельзя предугадать ход событий, потому что жизнь сама решает, как оно пойдет. Бывает, что даже пластические операции, в которых казалось бы нет риска и они уже как на конвейере, но и там происходят патовые ситуации.

Саша попросил меня об одной важной вещи, а я согласилась. Потому что это максимально здраво.

Я не стану накручивать себя, не стану раньше времени паниковать, хотя в силу своей эмоциональности, периодически накрывает. Он попросил меня, что если в какой-то момент я почувствую, что не справляюсь с эмоциями и меня топит, то я обязательно дам знать.

Потому что от того, как чувствует себя мать, напрямую зависит настроение ребенка.

Кто-то говорит, что это чушь и глупости? Но я так не считаю. Мы влияем на наших детей намного больше, чем думаем. Ребенок перенимает наши повадки, манеры, даже тембр голоса.

Поэтому если я буду нервной, то Дашка тоже начнет переживать. А ей нельзя.

— Ого, тут даже холодильник полный, — открываю дверцы, внимательно осматривая содержимое. Саша не жалел деньги на хорошее питание никогда, поэтому наличие свежего мяса, зелени, кисломолочной продукции меня не удивляет.

Удивляет другое... Кто мог сюда это все принести. Курьерская служба? Нет... Такого уровня сервиса еще не существует, да и это попросту небезопасно.

Вопрос неприятно вертится на языке, я не понимаю, насколько я в том положении сейчас, чтобы его задать. И не будет ли это выглядеть лишним, чтобы он ненароком не подумал, что я могу ревновать его к ней?

Но и есть другая сторона, важный нюанс.

— Саш, — обхожу каменную столешницу цвета слоновой кости, захлопнув дверцы холодильника, — Я могу рассчитывать на то, что во время нашего с Дашей пребывания в Москве, твоя нынешняя жизнь не станет нас сильно тревожить?

А мне ведь и имя ее противно произносить. Еще с тех времен.

Хорошее имя, на самом деле. Героинь сказок так звали.

Аленушка!

Милая, краснощекая, бескорыстная прелестница.

Я же узнала другую сторону милой Алены, которая выгуливала своего пса, что вечно кидался на меня с грязными лапами. Он оставлял след на моих брюках, а она оставила приличное черное пятно на моем прошлом.

— Алена не знает о существовании этой квартиры. Холодильник заполнил мой помощник. Градов Витя, если вдруг ты помнишь.

Конечно, они столько лет вместе работают. Конечно, я помню.

Груз падает с плеч. Она сюда не заявится, чтобы продемонстрировать свое превосходство.

Я выдыхаю, делаю это случайно слишком шумно, что тут же замечает Саша.

— Юль, у нас непростой период сейчас в отношениях. Я не стал бы подвергать Дашу таким потрясениям.

— Хорошо, — киваю, — Только избавь меня от подробностей своей личной жизни, пожалуйста. Наша общая цель — это здоровье нашего ребенка. Мы вдвоем сильнее, я знаю, что Дашке станет лучше.

Специально максимально перевожу тему в другое русло. Зачем мне знать, что и как у них там?

Что бы что?

Только Саша интерпритутерт как-то иначе мою паузу, подходит ближе, облачиваясь бедрами о столешницу, на которой я плотно сжимаю пальцы.

— А мне ведь даже не с кем поговорить, Юль. На душе — погано. Но никто не хочет слушать.

— Зато теперь ты знаешь, каково это, Саш. Когда тебя никто не хочет слушать...

Я похлопываю его по плечу и удаляюсь в комнату, чтобы помочь Даше разобрать чемодан.

Нет злорадства, нет ничего, где я могла бы победно усмехнуться и захлопать в ладоши. Все в жизни закономерно.

Не всегда это происходит вовремя, иногда с большим опозданием. Но формат “по справедливости” меня вполне устраивает.

Глава 22. Саша

В офисе полно бумаг на подпись, а я будто не на месте. У Юли с Дашей консультации во всех трех местах.

Я быть не смогу из-за навалившихся вопросов в компании, но самого ноги буквально тянут из офиса туда.

Когда я привёз их в квартиру, что-то внутри сдавило нерв. Вспомнил вдруг. Резко, внезапно накатило.

Как жили вместе. Как они с работы встречали. И чёрт, могу ли вообще об этом думать... она такая холодная для меня. Дистанция, и только. Малейшее приближение, и Юля делает десять шагов назад.

Разминаю шею, прежде чем поставить своё согласие на замену оборудования. Давно уже это обсуждали, мусолили, считали. А коммерческий и вовсе несколько месяцев пытался найти лучшее предложение по цене.

Мысли скачут вразброс и разнос. Больше откровенно пугает то, что домой мне возвращаться не хотелось. Что, собственно, я и сделал.

Хотелось побыть в одиночестве, подумать, что вдруг резко спустя столько лет проснулось. Или может быть, это было всегда, просто под гнётом взаимных претензий и недовольств я забыл, какая у меня была жена. Хотел, чтобы так и встречала с ужином, чтобы не менялась, а она вдруг поставила на первое место работу. Но почему?!

Разве я мало давал денег? Разве она не была в достатке? Для чего Юля это делала?

Спросить напрямую — значит вызвать ненужную злость...

Пока раздумываю в перерыве на глоток кофе, слышу, как звонит мой телефон.

— Пап? — Карина, что уехала сюда раньше, звучит шёпотом.

— Привет, что-то произошло? Ты поехала к маме с Дашей?

— Нет, я ещё дома... — тянет она, — Алёна немного нервничает, ты не ночевал дома...

Прикрываю глаза.

Хоть наш разговор с Юлей, затрагивающий старшую дочь и некие моменты воспитания в моей, как выразилась Юля «семье», и был немного напряжённым. Но я, признаться, не видел таких мелочей. Да и это не шибко мужику вообще подвластно. Надеюсь, я донёс до неё, что ситуацию решу, но у меня чисто физически не получится отслеживать такие «звоночки».

Но Юля удивила тем, что попросила лишь не давать Алёне так влиять на дочь. Я ведь и так старался оградить, но, видимо, где-то не вышло.

— Это она попросила тебя позвонить? — спрашиваю я, зажимая переносицу.

Потому что сразу ощущение, что контроля я и не имею. И грош цена моим словам.

— Нет, — ложь своей дочери я всё же научился распознавать.

— Карин, — выдыхаю чуть более жёстким тоном: — Сейчас дай ей трубку, раз сама она позвонить не в силах, а потом поезжай к маме. У них сегодня встречи, и уже дальше будем выбирать врача, Даше нужна поддержка.

— Ты злишься? — робко звучит старшая дочь.

И вот как объяснить? Я не злюсь, меня просто раздражает, когда взрослый человек не может высказать претензию...

В голове простреливает, и я вдруг усмехаюсь. Карма? Отдача? Бумеранг? Или это мне, чтобы я увидел себя со стороны пять лет назад?!

— Я не злюсь, — озвучиваю наконец, придерживая свои мысли.

— Ладно, па, — слышу, как Карина отдаёт телефон и сам поглубже набираю воздуха.

— Ты уже не в состоянии сама позвонить и поговорить? — задаю вопрос, а она дышит и молчит.

— Ты отдаляешься от меня, Саш, — жалостным голосом звучит она.

— Я не отдаляюсь...

— Разве? — слышу её горький смешок: — Когда ты в последний раз сам звонил мне? Когда не задерживался на работе? А теперь и ночевать не приходишь в наш дом... Я не хочу ничего сказать, я стараюсь дать тебе немного...

— Перестань, Алён. — торможу её, иначе в дебри уйдём, припоминая всё, что было за эти годы: — Я тебе говорил, мне нужно разобраться с лечением ребёнка, это сейчас первостепенно. И пока я не найду лучшего врача, не увижу, что Даша идёт на поправку, мы не будем обсуждать то, где я как я и почему я. Плюс, перестань подключать Карину, это уже превышение твоих возможностей...

— Возможностей, — медленно повторяет она, и я слышу эти привычные ноты недовольства: — У меня только они и есть, да? Я ведь никто?! Даже не мачеха...

Вздыхаю, стараясь сдержать рык, что прямо просится наружу. Сколько, мать её, можно?!

— Ты знала, что второго брака у меня не будет. Эта тема закрыта. Хватит, — давлю голосом, правда, иногда она и после этого не понимает.

А когда уже доведёт до апогея, тогда лезет со своей лаской сгладить. И раньше я не замечал... первые два года вообще всё казалось просто текло своим чередом. Ни обязательств, ни обещаний. Секс — окей, но она особо и не лезла в воспитание ребёнка, да и не съедала мозг чайной ложкой. Где-то два года назад началось какое-то помутнение. И то, что мне казалось лёгким, не нагнетающим и комфортным, превратилось в...

— Я скучаю по тебе, Саш, — вот опять.

Качаю головой, а в это время слышу, что у меня вторая линия бьётся. Отрываю телефон от уха, а там номер Юли.

— Я перезвоню, — скидываю звонок и отвечаю жене...

Вот же шь! Сам себя в мыслях ловлю...

— Юль, всё хорошо? — с тревогой спрашиваю и даже из-за стола от напряжения и собственной ошибки встаю.

А ошибки ли?!

— Да, в порядке, я не отвлекаю? — деловым тоном спрашивает она, будто разговаривает не со мной.

— Нет. Ты можешь звонить в любое время, — прокашливаюсь я.

— Я выбрала центр всё-таки, — говорит она: — Но я бы хотела, чтобы ты всё равно поприсутствовал завтра на нашей встрече, там расскажут план лечения, что можно, что нельзя и прочее. Если у тебя...

— Я, конечно, буду, во сколько?

— В девять утра, — слышу в её голосе будто замешательство или волнение.

— Заберу вас из дома, вместе поедем.

— Спасибо, — выдыхает она, и мне кажется я даже ощущаю её облегчение.

— Брось, Юля, ты можешь обращаться за любой помощью, я тебе уже сказал, что сейчас два дня мне надо, чтобы уладить вопрос в компании, дальше мы будем проходить это вместе. — собственные слова даются так легко и закономерно, потому что идут откуда-то из глубины.

И там я определённо не пережил одно событие в своей жизни. Осознание бьёт молнией прямо в груди, и мне как никогда, чёрт возьми, кажется, что развод был фатальной ошибкой.

Глава 23. Юля

— Мы завтра утром будем у вас, — благодарно улыбаюсь врачу, который нас так тепло принял.

Он сразу взял Дашу лаской и заботой, увидев, как моя куколка переживает. Хотя она храбрится, подбородок чуть выше обычного держит, руки покорно складывает на коленях, словно это ее немного заземлит, поможет держать баланс.

Мамы всегда все замечают и чувствуют, я слишком хорошо выучила все повадки дочери, чтобы не увидеть эти малейшие изменения в ее движениях, даже в том, как ее брови слегка насупились, обычно смотрящие чуть вверх, открывая взор на красивые большие глаза.

Я все вижу... И от этого только больнее. Роман Владимирович Корзин.

Наш лечащий врач. Сомнений в том, что именно этот сильный характером с закалкой мужчина поможет моему ребенку снова стать здоровой, окрепнуть и наслаждаться жизнью.

— Юлия Марковна, — аккуратно обращается ко мне, очень деликатно и с осторожностью, — Могу я вас попросить оставить Дашу уже сегодня с нами?

Дашка тут же бросает беглый взгляд в мою сторону, она хочет домой. И когда я говорю про дом, я не имею ввиду квартиру в Хамовниках, я имею ввиду Питер.

Там осталась вся ее жизнь: друзья, школа, кружки... И она мне по секрету рассказала, что даже скучает по приставаниям ее одноклассника Артема Солдатова.

Она еплется за любовную возможность быть хотя бы мысленно там, откуда мы уехали, но где жизнь продолжает кипеть. Ощущение, что и я, и Дашка поставили свои жизни на паузы.

Мы не знаем, что нас ждет завтра. Мы не знаем, как себя вести до конца. Потому что за пять лет Москва стала определенно чужой, холодной, несмотря на то, что в Питере погода куда сквернее. Этот город сломал нас, однажды.

И вот он позвал меня и дочь в свои объятия вновь. Только повод ужасный.

— В этом есть необходимость, да?

Я не успеваю встать со стула, как вновь присаживаясь обратно. Приходиться сжимать крепко руки на ручке от сумки, так почему-то проще удерживать баланс.

Эта привычка стала появилась недавно. Буквально с момента, как мой младший ребенок попала в больницу. Но с того момента, когда я чувствую, что мир словно расплывается под ногами, что я становлюсь неустойчивой, я вцепляюсь в ручку сумки, как за спасательный жилет.

И становится легче.

Мой психолог говорила, что фиксация на предмете — это некий якорь. Когда мы якоримся, то пытаемся вернуть себя в физический мир, чтобы заглушить душевные муки.

— Планируем Дарье Александровне поставить капельницу. Профилактическую. А еще у нас сегодня веером мастер-класс по рисованию.

Он подмигивает Дашке, а она слабо улыбается в ответ. Мне приходится на считанные секунды уйти в раздумья, хотя что я сегодня смогу решить?

Если врач говорит, что надо, значит надо.

— Мам, — Даша подходит вплотную ко мне, опуская свою тоненькую ладонь на мое плечо, — Врач прав. Я останусь, зато буду под присмотром. А вы с папой завтра с утра приедете, и не забудь, — заправляет выбившуюся прядь за ухо, — Сразу побольше сыра и ветчины. Если слойки найдешь где-то в пекарне, то вообще пушка. Мне же можно?

Тут же обеспокоенно тараторит врачу.

— Можно, Дарья Александровна. Пойдемте, я вам палату покажу. А потом с детьми познакомитесь, они у нас шумноватые и активные.

Даша вновь храбрится, идет впереди, таща за собой большой плотно набитый рюкзак в виде панды с двумя игрушками, висящими на карабине.

Роман Владимирович Дашку похлопывает по спине, шутит, отчего она тут же улыбается. Я чуть успокаиваюсь, понимая, что оставляю ее в надежных руках.

Ей помогут. Это ведь самое главное!

Прощание у нас выходит быстрым, потому что ее сразу же уводят на процедуру, да и лишние эмоции сейчас нам не нужны.

До дома еду на метро. Москва стоит, все в пробках. Я тут же вспоминаю свою жизнь в столице, как водила машину, ездила по делам фонда. Ностальгия неприятно колет где-то в груди. И вновь сравниваю себя ту, что живет сейчас в Питере.

Спокойную, уверенную в себе. Даже если встаю на набережной в пробке, то обычно поток машин движется довольно быстро, а если задержаться на часок на работе, то пробки можно уже и не застать.

В Москве такие фишки не срабатывают.

Захожу в несколько пекарен у дома, милая девушка в третье по счету пекарне говорит, что завтра с утра обязательно слойки с ветчиной и сыром будут, прошу ее отложить для меня штук пять, и что я обязуюсь зайти утром.

Дома прошу включить Алису для меня медитативную музыку, чтобы немного успокоить нервы. Набираю ванну, заполняя обильно пеной.

До Карины дозвониться не могу, зато Дашка в телеграмме присылает смешные селфи и показывает свои рисунки.

Я улыбаюсь широко, чувствуя как в рот попадают соленые капли от слез. Я хочу, чтобы она всегда так улыбалась. Каждый день. Чтобы не знала бед, горечи и печали.

Звонок в дверь отвлекает меня как раз в тот момент, когда я уже почти сбрасываю халат, чтобы залезть в ванну. Карина, наверно, ключи забыла. Но я очень рада, что она приехала.

На энтузиазме, ожидая старшую дочь, широко распахиваю дверь, даже не спросив, а кто собственно пришел.

А лучше бы я это сделала...

Опрометчиво, Юля. Очень опрометчиво.

— Добрый день, Юля! Вернее уже вечер. Пустишь?

Поправляю на себе халат, делая шаг вперед.

— Нет, Алена. Не вижу смысла в твоём визите. Нам нечего обсуждать.

— Я так не думаю... — она смыкает свою ладонь на дверном косяке, постукивая красными ногтями по поверхности, — Мне, видишь ли, очень не нравится, что ты тесно общаешься с моим мужчиной.

Глава 24. Юля

Забавно.

Я смотрю на эту женщину, чуть вскинув брови, и скрещиваю руки на груди, опираясь на дверь и не позволяя ей открываться ещё шире. Разглядываю её, с одной стороны, не желая замечать изменений, но они,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.